МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

УЧРЕЖДЕНИЕ «SDU UNIVERSITY»
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, БИЗНЕСА И ПРАВА
КАФЕДРА «ПРАВОВЕДЕНИЕ»

ЮСУПЖАНОВ ИЛЬЯС ХАЛМУРАТОВИЧ

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ГЕНЕРИРУЕМЫЕ ИИ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

7М04201 – «Частное право»

Каскелен 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

УЧРЕЖДЕНИЕ «SDU UNIVERSITY»
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, БИЗНЕСА И ПРАВА
КАФЕДРА «ПРАВОВЕДЕНИЕ»

«Допущен к защите»
Заведующая кафедрой,
PhD, ассистент-профессор
Копбаева А. Б.
«08» 06 2026 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема: «Правовая защита авторских прав на произведения, генерируемые ии»

7М04201 – «Частное право»

Выполнил: Юсупжанов И.Х.

Научный руководитель,
PhD, ассоц.профессор Абилова М.Н.

Каскелен 2026

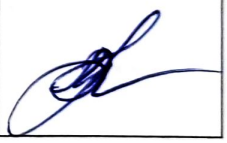
КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН-ГРАФИК

выполнения и представления магистерской диссертации на тему

«Правовая защита авторских прав на произведения, генерируемые ии»

магистранта 2-го курса, 7М04201 – «Частное право»

№	Наименование разделов	Сроки предоставления руководителю	Отметка о выполнении	Подпись научного руководителя
1	Выбор и утверждение темы магистерской диссертации. Назначение научного руководителя.	15.10.2024	Выполнено	
2	Получение и разработка задания на выполнение магистерской диссертации	15.11.2024	Выполнено	
3	Подбор теоретического материала и представление руководителю	28.01.2025	Выполнено	
4	Подбор практического материала, систематизация теоретического и практического материала и представление руководителю	18.02.2025	Выполнено	
5	Написание 1 главы магистерской диссертации/проекта	14.03.2025 – 07.05.2025	Выполнено	
6	Написание 2 главы магистерской диссертации/проекта	20.08.2025 – 14.11.2025	Выполнено	
7	Написание 3 главы магистерской Диссертации	05.02.2026 – 22.04.2026	Выполнено	
8	Оформление магистерской диссертации/проекта	23.04.2026 – 08.05.2026	Выполнено	

9	Направление магистерской диссертации на проверку на предмет наличия или отсутствия плагиата	06.05.2026	Выполнено	
10	Направление магистерской диссертации нормоконтролеру	08.05.2026	Выполнено	
11	Направление магистерской диссертации научному руководителю для написания отзыва	11.05.2026	Выполнено	
12	Процедура предварительной защиты магистерской диссертации/проекта	14.05.2026	Выполнено	
13	Направление магистерской диссертации на повторную проверку на предмет наличия или отсутствия плагиата	03.06.2026	Выполнено	
14	Направление магистерской диссертации на повторную проверку нормоконтролеру	04.06.2026	Выполнено	
15	Защита магистерской диссертации	11.06.2026	Выполнено	

Дата выдачи задания: «15» ноября 2024 г.

Заведующая кафедрой: PhD, ассистент-профессор Копбаева А.Б.

Научный руководитель: PhD, ассоц.профессор Абилова М.Н.

Задание принял к исполнению Магистрант: Юсупжанов И.Х.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. **5**

1 ПОНЯТИЕ АВТОРСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИИ **9**

1.1. Правовой статус произведений, созданных ИИ 9

1.2. Международные подходы к защите авторских прав 13

1.3. Этические и правовые вызовы 16

1.4 Перспективы изменений в законодательстве 21

2 ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ГЕНЕРИРУЕМЫЕ ИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН **33**

2.1 Полномочия и функции нового Министерства искусственного интеллекта Республики Казахстан 44

2.2 Действующее законодательство Республики Казахстан в контексте ИИ 50

2.3 Правовой режим ИИ-генерируемых произведений в Казахстане 55

2.4. Государственные инициативы и стратегии в сфере ИИ 63

2.5. Проблемы правоприменения и защиты прав в РК 71

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **80**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ **85**

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние десятилетия существенно трансформировало творческие сферы, включая литературу, музыку, изобразительное искусство, дизайн и медиапроизводство. Современные системы искусственного интеллекта способны самостоятельно генерировать тексты, изображения, музыкальные произведения, видеоконтент и иные результаты интеллектуальной деятельности, что оказывает значительное влияние на традиционные представления о творческом процессе и авторстве.

Если ранее создание произведения неразрывно связывалось исключительно с интеллектуальной деятельностью человека, то в условиях цифровой эпохи возникают новые формы творчества, основанные на взаимодействии человека и алгоритмов искусственного интеллекта. Использование нейросетевых технологий позволяет создавать произведения, внешне обладающие признаками оригинальности и творческой новизны, что вызывает необходимость переосмысления классических подходов института авторского права.

Развитие генеративных моделей ИИ обусловило появление множества правовых вопросов, связанных с определением правового статуса произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. В большинстве государств действующее законодательство об авторском праве ориентировано на признание автором исключительно физического лица, обладающего творческим вкладом в создание произведения. В связи с этим произведения, генерируемые ИИ автономно либо при минимальном участии человека, оказываются вне традиционных правовых конструкций.

На современном этапе отсутствует единый международный подход к определению авторства и распределению прав на произведения, созданные ИИ. Возникают дискуссии относительно того, кому должны принадлежать исключительные права на такой контент: разработчику программного обеспечения, пользователю системы ИИ либо лицу, осуществляющему постановку задачи для алгоритма. Дополнительную сложность представляет вопрос ответственности за содержание, созданное искусственным интеллектом, а также правомерность использования обучающих данных, содержащих объекты авторского права.

Правовые пробелы в данной сфере создают значительные риски как для авторов и правообладателей, так и для разработчиков цифровых технологий. Отсутствие четкого правового регулирования препятствует эффективной защите интеллектуальных прав и формированию единообразной правоприменительной практики. В этой связи исследование правового режима произведений, генерируемых искусственным интеллектом, приобретает особую актуальность как для теории права, так и для совершенствования национального и международного законодательства.

Актуальность. Тема также обусловлена необходимостью адаптации правовой системы Республики Казахстан к современным технологическим вызовам и международным тенденциям в сфере интеллектуальной собственности. Разработка эффективных механизмов правовой защиты произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, является важным условием развития цифровой экономики, инновационной деятельности и творческих индустрий.

Степень разработанности. Проблематика правовой защиты произведений, созданных искусственным интеллектом, является сравнительно новой для юридической науки, однако в последние годы данная тема активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учёными.

Среди зарубежных исследователей значительный вклад в разработку вопросов интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта внесли Райан Абботт, Рут Таплин, Ана Рамальо и другие авторы. В их работах рассматриваются вопросы авторства, оригинальности произведений, распределения интеллектуальных прав и необходимости реформирования законодательства в условиях развития ИИ-технологий.

Особое значение имеют исследования Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), посвящённые анализу глобальных тенденций регулирования искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности. Международные исследования демонстрируют отсутствие единообразного подхода к определению правового статуса ИИ-генерируемых произведений и подчеркивают необходимость разработки новых правовых механизмов.

В отечественной юридической науке вопросы авторского права в условиях цифровизации также приобретают всё большую актуальность. Отдельные аспекты правового регулирования произведений, создаваемых искусственным интеллектом, рассматриваются в трудах казахстанских и российских исследователей, посвящённых цифровому праву, интеллектуальной собственности и информационным технологиям. Вместе с тем комплексные исследования, посвящённые правовой защите ИИ-генерируемых произведений в контексте законодательства Республики Казахстан, остаются недостаточно разработанными, что подтверждает научную значимость настоящего исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере создания, использования и правовой охраны произведений, генерируемых искусственным интеллектом.

Предметом исследования выступают нормы национального и международного законодательства, регулирующие авторские права на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, а также правоприменительная практика и научные подходы в данной сфере.

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ правового статуса произведений, генерируемых искусственным интеллектом, выявление проблем правового регулирования авторских прав на такие

произведения и разработка предложений по совершенствованию законодательства Республики Казахстан в данной области.

Задачи. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. исследовать понятие и особенности произведений, создаваемых искусственным интеллектом;
2. проанализировать существующие подходы к определению авторства ИИ-генерируемых произведений;
3. изучить международный опыт правового регулирования авторских прав на произведения, созданные ИИ;
4. выявить основные правовые пробелы и проблемы правоприменения в рассматриваемой сфере;
5. провести анализ действующего законодательства Республики Казахстан в области авторского права и интеллектуальной собственности;
6. определить перспективы совершенствования правового регулирования произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта;
7. разработать рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Положения, выносимые на защиту. Выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, могут быть использованы в правотворческой деятельности, судебной практике, научных исследованиях, а также в образовательном процессе при преподавании дисциплин, связанных с авторским правом, цифровым правом и регулированием искусственного интеллекта.

1. Произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, требуют специального правового регулирования в рамках законодательства об интеллектуальной собственности.

2. Действующие нормы авторского права не в полной мере учитывают особенности создания ИИ-генерируемых произведений.

3. Необходимо законодательное закрепление критериев определения творческого вклада человека при использовании систем искусственного интеллекта.

4. Требуется разработка специальных механизмов распределения прав на произведения, созданные при участии искусственного интеллекта.

5. Совершенствование законодательства Республики Казахстан должно осуществляться с учетом международного опыта и современных тенденций развития цифровых технологий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правового режима произведений, генерируемых искусственным интеллектом, с учетом современных тенденций развития цифровых технологий и законодательства Республики Казахстан.

В работе сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, а также предложены подходы к

определению правового статуса субъектов, участвующих в процессе создания ИИ-генерируемого контента.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при совершенствовании законодательства Республики Казахстан в сфере интеллектуальной собственности и цифрового права.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. В ходе исследования использовались методы анализа, синтеза, сравнительно-правового исследования, формально-юридический метод, системный подход, а также методы правового моделирования и прогнозирования.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области интеллектуальной собственности, цифрового права и регулирования искусственного интеллекта, включая работы Райана Абботта, Рут Таплин, Аны Рамальо, а также материалы Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

В процессе исследования были проанализированы международные правовые акты, законодательные инициативы различных государств, научные публикации, судебная практика и примеры использования искусственного интеллекта в творческой деятельности.

1 ПОНЯТИЕ АВТОРСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИИ

1.1. Правовой статус произведений, созданных ИИ

В современном праве интеллектуальной собственности категории авторства и оригинальности традиционно рассматриваются как фундаментальные элементы правовой охраны произведений науки, литературы и искусства. Авторство связывается с творческой деятельностью конкретного человека, обладающего интеллектуальным замыслом и способного выразить его в объективной форме. Оригинальность выступает обязательным критерием охраноспособности произведения и предполагает наличие самостоятельного творческого вклада автора. Исторически данные категории формировались исключительно применительно к человеческой деятельности, поскольку именно человек признавался единственным субъектом творческого процесса.

Развитие технологий искусственного интеллекта существенно изменило представления о процессе создания произведений. Современные генеративные системы способны самостоятельно формировать тексты, изображения, музыкальные композиции, видеоматериалы и иные объекты, обладающие признаками творческого результата. Это вызывает необходимость переосмысления традиционных подходов к пониманию авторства и оригинальности в условиях цифровой трансформации общества.

В юридической науке всё чаще поднимается вопрос о том, может ли произведение, созданное с использованием искусственного интеллекта, считаться оригинальным в традиционном понимании авторского права. Особенность функционирования ИИ заключается в обработке значительных массивов данных, содержащих уже существующие произведения, на основе которых алгоритм формирует новый результат. В связи с этим возникают дискуссии относительно того, обладает ли такой результат достаточной степенью самостоятельности и творческой новизны.

Современные исследования в области интеллектуальной собственности указывают на то, что существующие правовые конструкции недостаточно адаптированы к реалиям цифровой эпохи. Искусственный интеллект не обладает сознанием, волей, правосубъектностью и способностью нести юридическую ответственность, однако результаты его работы всё чаще используются в коммерческом обороте и творческой индустрии. Это приводит к возникновению правовой неопределенности в вопросах принадлежности авторских прав, распределения ответственности и определения статуса созданного контента.

Проблема правового статуса произведений, созданных ИИ, в настоящее время активно обсуждается на международном уровне. В большинстве государств законодательство об авторском праве сохраняет традиционный подход, согласно которому автором произведения может быть исключительно физическое лицо. Вследствие этого произведения, полностью

созданные искусственным интеллектом без существенного участия человека, не получают полноценной правовой охраны.

В Соединённых Штатах Америки Бюро по авторским правам неоднократно подчеркивало, что объект авторского права должен быть результатом человеческого творчества. Аналогичная позиция прослеживается и в судебной практике. В частности, по делу «Zarya of the Dawn» было установлено, что изображения, созданные нейросетью MidJourney без значительного человеческого участия, не могут охраняться авторским правом. Судебные органы указали, что авторское право возникает исключительно при наличии человеческого творческого вклада.

Подобный подход сохраняется и в законодательстве Великобритании, где, несмотря на существование отдельных норм о компьютерно-созданных произведениях, ключевое значение по-прежнему имеет человеческое участие в процессе создания результата. В странах Европейского союза также отсутствует единая позиция по вопросу авторских прав на произведения, генерируемые ИИ. Несмотря на активное обсуждение данной проблемы в рамках Европейской комиссии и Европейского парламента, единый правовой режим пока не сформирован.

В ряде государств наблюдаются попытки адаптации законодательства к новым технологическим условиям. Например, в Китае судебная практика постепенно признает возможность правовой охраны результатов, созданных с помощью ИИ, при условии наличия существенного человеческого участия. Китайские суды исходят из того, что лицо, определяющее параметры генерации, осуществляющее выбор и редактирование результата, вносит творческий вклад, достаточный для признания авторства.

Япония также демонстрирует более гибкий подход к регулированию интеллектуальной собственности в цифровой среде. Законодательство страны допускает использование произведений для обучения ИИ и одновременно рассматривает возможность признания авторских прав при наличии творческого участия человека в процессе генерации контента.

Одной из наиболее дискуссионных проблем остаётся вопрос о том, кто именно должен признаваться автором произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта. В научной литературе выделяются несколько основных подходов.

Согласно первому подходу, автором должен считаться пользователь системы ИИ, поскольку именно он инициирует процесс генерации, формулирует запросы, задаёт параметры и принимает окончательное решение о выборе результата. В рамках данного подхода искусственный интеллект рассматривается исключительно как инструмент, аналогичный графическому редактору или музыкальному программному обеспечению.

Второй подход предполагает возможность признания определённых прав за разработчиком системы искусственного интеллекта. Сторонники данной концепции указывают, что архитектура модели, алгоритмы обработки данных и ограничения генерации создаются именно разработчиком, который

фактически формирует техническую и функциональную основу будущего результата.

Существует также концепция совместного авторства, в рамках которой предлагается учитывать вклад всех участников процесса: разработчика, пользователя и иных лиц, обеспечивающих функционирование ИИ-системы. Однако практическая реализация данной модели вызывает значительные сложности, поскольку крайне трудно определить степень участия каждого субъекта в создании конечного произведения.

На современном этапе преобладающим остаётся подход, согласно которому автором может признаваться исключительно человек. Искусственный интеллект не обладает юридической личностью и не способен самостоятельно реализовывать субъективные права и обязанности. Именно поэтому ключевым критерием признания авторства становится наличие человеческой воли и творческой инициативы.

Особое значение в условиях использования ИИ приобретает понятие творческого вклада человека. Даже при высокой степени автоматизации процесса создание произведения обычно начинается с действий пользователя: постановки задачи, выбора параметров генерации, формирования текстового запроса, редактирования результата и принятия решения о его окончательном использовании. Все эти действия могут рассматриваться как проявление творческой деятельности.

Международная практика постепенно формирует критерий «существенного человеческого участия». Данный подход предполагает, что авторское право может возникать только в том случае, если человек не ограничивается механическим запуском программы, а принимает активное участие в создании итогового результата. Аналогичные подходы прослеживаются в практике Китая, Японии, стран Европейского союза и Великобритании.

В научной среде также развивается концепция «алгоритмического посредника», согласно которой искусственный интеллект выполняет промежуточную функцию между человеком и конечным произведением. В рамках данной теории ИИ рассматривается как инструмент интеллектуального посредничества, а не самостоятельный субъект творчества.

Особую актуальность приобретает вопрос ответственности за содержание, созданное искусственным интеллектом. Если ИИ генерирует материалы, нарушающие авторские права, содержащие дезинформацию либо противоправный контент, возникает необходимость определения лица, несущего юридическую ответственность. В большинстве случаев ответственность возлагается на пользователя либо владельца системы.

Современные платформы генеративного ИИ, включая ChatGPT, MidJourney и DALL·E, в своих пользовательских соглашениях закрепляют положение о том, что ответственность за создаваемый контент несёт пользователь. Такой подход подтверждает тенденцию к признанию именно человека центральным субъектом правоотношений в сфере ИИ-творчества.

В Республике Казахстан правовое регулирование авторских прав осуществляется Гражданским кодексом РК и Законом РК «Об авторском праве и смежных правах». Действующее законодательство закрепляет положение о том, что автором произведения может быть исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. Следовательно, искусственный интеллект не может признаваться субъектом авторского права.

Вместе с тем казахстанское законодательство пока не содержит специальных норм, регулирующих правовой режим произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Это создаёт определённые сложности при определении принадлежности прав на ИИ-генерируемый контент и формировании правоприменительной практики.

В юридической практике Казахстана уже начинают возникать споры, связанные с использованием генеративного ИИ. Несмотря на ограниченность судебной практики, наблюдается тенденция к признанию авторских прав за лицом, которое инициировало процесс создания произведения и внесло творческий вклад в итоговый результат.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования произведений, защищённых авторским правом, для обучения моделей искусственного интеллекта. Современные генеративные системы обучаются на огромных массивах текстов, изображений, музыкальных произведений и иных объектов интеллектуальной собственности. Это вызывает многочисленные споры о правомерности использования таких данных без согласия правообладателей.

В Соединённых Штатах Америки обсуждение данной проблемы связано с концепцией «fair use» — добросовестного использования. В странах Европейского союза действует исключение для интеллектуального анализа текста и данных (text and data mining), позволяющее использовать произведения в исследовательских целях. Однако применение этих механизмов к коммерческим ИИ-проектам остаётся предметом дискуссий.

Этические аспекты использования искусственного интеллекта также оказывают значительное влияние на развитие правового регулирования. Многие исследователи указывают на опасность подмены человеческого творчества алгоритмической генерацией, а также на риски стандартизации культуры и снижения значения индивидуального художественного выражения.

Несмотря на существующие риски, использование ИИ открывает новые возможности для развития творческих индустрий. Искусственный интеллект способен выступать вспомогательным инструментом для художников, музыкантов, писателей и дизайнеров, расширяя их возможности и ускоряя творческий процесс. В связи с этим правовое регулирование должно быть направлено не на ограничение технологического прогресса, а на формирование справедливого баланса между интересами авторов, разработчиков и пользователей.

Таким образом, правовой статус произведений, созданных искусственным интеллектом, остаётся одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного авторского права. Развитие технологий требует переосмысления традиционных правовых конструкций и формирования новых подходов к определению авторства, оригинальности и распределения интеллектуальных прав. Для Республики Казахстан особое значение имеет адаптация национального законодательства к международным тенденциям и создание эффективного механизма правовой защиты произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта.

1.2. Международные подходы к защите авторских прав

Международное регулирование вопросов авторского права в отношении произведений, созданных с применением искусственного интеллекта, находится на стадии активного формирования. В различных странах подходы к определению авторства и правового режима таких произведений существенно отличаются, что обусловлено особенностями национальных правовых систем и уровнем развития цифровых технологий. На сегодняшний день в международном праве отсутствует единый универсальный механизм регулирования авторских прав на результаты деятельности искусственного интеллекта, что приводит к возникновению значительных правовых пробелов.

Одним из ключевых международных документов в области охраны авторских прав является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Данный международный акт закрепляет принцип, согласно которому автором произведения может признаваться исключительно физическое лицо, обладающее творческим вкладом в создание результата интеллектуальной деятельности. В условиях стремительного развития искусственного интеллекта подобный подход вызывает множество дискуссий, поскольку современные алгоритмы способны самостоятельно создавать тексты, музыкальные композиции, изображения, видеоматериалы и иные объекты, обладающие признаками произведения.

Аналогичная ситуация наблюдается и в законодательстве Республики Казахстан. Нормы Гражданского кодекса РК и Закона Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» основываются на классическом понимании авторства, в рамках которого автором может быть исключительно человек. Вместе с тем в законодательстве отсутствуют специальные положения, регулирующие правовой статус произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта. Это приводит к возникновению неопределенности в вопросах принадлежности имущественных и неимущественных прав на такие объекты.

В Соединенных Штатах Америки вопросы регулирования произведений, созданных искусственным интеллектом, также остаются

предметом активных дискуссий. Бюро по авторским правам США неоднократно подчеркивало, что авторское право распространяется только на произведения, созданные человеком. В частности, в 2022 году американские органы отказали в регистрации произведения, полностью созданного искусственным интеллектом без участия человека, указав, что отсутствие человеческого творческого вклада исключает возможность предоставления авторско-правовой охраны.

Несмотря на это, в США активно обсуждается возможность признания авторских прав за лицами, использующими ИИ как инструмент создания произведения. При этом ключевое значение придается степени участия человека в процессе генерации контента. Если пользователь формирует сложные запросы, редактирует результат, вносит изменения и осуществляет творческий контроль, существует вероятность признания за ним авторских прав на итоговое произведение.

В государствах Европейского союза также отсутствует единый подход к правовому регулированию результатов деятельности искусственного интеллекта. Вместе с тем ЕС предпринимает активные попытки создания нормативной базы, регулирующей цифровую среду. Одним из наиболее значимых документов стала Директива ЕС 2019/790 о цифровом авторском праве в едином цифровом рынке. Данный акт затрагивает вопросы использования произведений в цифровой среде, а также регулирует аспекты анализа текстов и данных, применяемых для обучения алгоритмов искусственного интеллекта.

Однако даже в рамках данной директивы отсутствуют четкие положения, определяющие правовой статус произведений, созданных ИИ. Европейские государства придерживаются различных позиций относительно возможности признания прав на такие произведения. Например, в Германии и Франции основное внимание уделяется защите интересов авторов и правообладателей, чьи произведения используются для обучения нейросетей. Вместе с тем продолжаются дискуссии о возможности введения специальных категорий авторских прав для ИИ-генерируемого контента.

Особое значение в международном регулировании вопросов интеллектуальной собственности играет деятельность Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Данная организация активно исследует влияние искусственного интеллекта на сферу авторского права и разрабатывает рекомендации, направленные на адаптацию международной системы интеллектуальной собственности к современным цифровым реалиям.

ВОИС неоднократно подчеркивала, что развитие искусственного интеллекта требует пересмотра традиционных подходов к определению авторства, оригинальности и правового режима результатов интеллектуальной деятельности. Организация проводит международные консультации с участием юристов, ученых, представителей технологических компаний и государственных органов, стремясь выработать единые рекомендации по регулированию ИИ.

Одной из наиболее обсуждаемых инициатив является формирование международных принципов регулирования произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта. В рамках данных обсуждений рассматриваются вопросы определения роли разработчика ИИ, пользователя системы и иных участников процесса генерации контента. Кроме того, обсуждается возможность введения новых механизмов лицензирования и регистрации произведений, созданных с использованием алгоритмов.

Следует отметить, что Республика Казахстан также предпринимает шаги по интеграции в международную систему регулирования интеллектуальной собственности. Казахстан является участником ряда международных соглашений, включая Договор ВОИС по авторскому праву, регулирующий вопросы охраны произведений в цифровой среде. Участие в данных международных актах свидетельствует о стремлении государства адаптировать национальное законодательство к современным технологическим вызовам.

Важным направлением международного сотрудничества становится разработка единых подходов к защите прав авторов и правообладателей в условиях распространения ИИ-технологий. Многие государства приходят к выводу о необходимости выработки международных стандартов, способных обеспечить баланс между развитием инноваций и защитой интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день существует несколько основных моделей регулирования произведений, созданных искусственным интеллектом. Первая модель предполагает полное отсутствие авторско-правовой охраны для произведений, созданных без участия человека. Вторая модель основывается на признании прав за пользователем или разработчиком ИИ при наличии значительного творческого вклада. Третья модель предполагает создание специальной категории прав для результатов деятельности искусственного интеллекта.

Некоторые государства уже предпринимают попытки внедрения отдельных элементов подобных моделей. Так, в Китае судебная практика постепенно допускает возможность признания авторских прав на произведения, созданные с использованием ИИ, при условии, что человек принимал участие в формировании конечного результата. В Японии акцент делается на развитии технологий и упрощении использования авторских материалов для обучения алгоритмов.

Кроме того, в международной практике активно обсуждается вопрос использования произведений, защищенных авторским правом, для обучения нейросетей. Большинство современных ИИ-моделей обучаются на огромных массивах данных, включающих тексты, изображения, музыку и другие объекты интеллектуальной собственности. Это вызывает многочисленные споры относительно допустимости подобного использования без согласия правообладателей.

В Соединенных Штатах в подобных ситуациях применяется доктрина «fair use» — добросовестного использования. Она допускает ограниченное

использование произведений без согласия автора при соблюдении определенных условий. Однако применение данной концепции к обучению искусственного интеллекта остается предметом судебных споров.

В Европейском союзе действует механизм исключений для анализа текстов и данных, позволяющий использовать материалы для научных и исследовательских целей. Тем не менее коммерческое применение ИИ-технологий по-прежнему вызывает вопросы со стороны правообладателей.

Важным направлением международного регулирования становится обеспечение прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта. Многие эксперты указывают на необходимость раскрытия информации об используемых датасетах и принципах обучения моделей. Подобный подход способен повысить уровень доверия к ИИ-системам и минимизировать риски нарушения авторских прав.

Современные международные тенденции свидетельствуют о постепенном переходе от классического понимания авторства к более гибким моделям регулирования. Развитие технологий требует пересмотра существующих правовых конструкций и создания новых механизмов охраны интеллектуальной собственности.

Таким образом, международные подходы к защите авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, продолжают формироваться. Отсутствие единых стандартов и универсальных правовых механизмов свидетельствует о необходимости дальнейшего международного сотрудничества. В условиях стремительного развития цифровых технологий государства и международные организации вынуждены искать компромисс между поддержкой инноваций и обеспечением эффективной защиты интеллектуальной собственности.

1.3. Этические и правовые вызовы

Активное внедрение искусственного интеллекта в сферу творчества и интеллектуальной деятельности привело к возникновению многочисленных правовых и этических проблем, требующих комплексного исследования. Современные генеративные алгоритмы способны создавать тексты, изображения, музыку, видеоматериалы и иные объекты, которые по своим характеристикам могут соответствовать признакам произведений науки, литературы и искусства. В связи с этим традиционные механизмы авторского права сталкиваются с необходимостью адаптации к новым цифровым реалиям.

Одной из центральных проблем является определение авторства произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Традиционная теория авторского права основывается на признании автором исключительно человека, внесшего творческий вклад в создание произведения. Однако в условиях применения нейросетевых технологий возникает вопрос о том, кто должен считаться обладателем прав на ИИ-генерируемый контент: разработчик алгоритма, пользователь системы,

заказчик результата либо произведение вообще не должно охраняться авторским правом.

В различных странах подходы к решению данной проблемы существенно отличаются. В США и большинстве европейских государств автором может признаваться только человек. При этом в судебной практике постепенно формируется подход, согласно которому пользователь ИИ может получить авторско-правовую защиту при условии наличия значительного творческого участия в создании итогового результата.

Вместе с тем существуют государства, рассматривающие возможность внедрения специальных правовых режимов для произведений, созданных искусственным интеллектом. Подобные инициативы свидетельствуют о попытках международного сообщества адаптировать традиционные нормы авторского права к современным технологиям.

Еще одной важной проблемой является вопрос оригинальности произведений, создаваемых искусственным интеллектом. Генеративные модели обучаются на огромных объемах информации, включающих уже существующие произведения литературы, искусства, музыки и иных сфер творчества. В результате возникает риск того, что ИИ может непреднамеренно воспроизводить отдельные элементы чужих произведений.

Подобные ситуации создают угрозу нарушения авторских прав и вызывают дискуссии о допустимых границах использования произведений для обучения алгоритмов. Многие специалисты подчеркивают необходимость разработки механизмов проверки уникальности ИИ-генерируемого контента, а также создания прозрачных процедур контроля за использованием авторских материалов при обучении нейросетей.

Этические проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта, затрагивают не только вопросы авторства, но и саму природу творчества. Искусственный интеллект способен анализировать огромные массивы данных и создавать произведения, ориентированные на предпочтения аудитории. Однако подобный подход вызывает сомнения относительно глубины и подлинности такого творчества.

Критики ИИ утверждают, что произведения, созданные алгоритмами, лишены эмоционального опыта, субъективного восприятия и внутреннего мировоззрения, присущего человеку. По их мнению, искусство является не только результатом обработки информации, но и отражением личности автора, его переживаний и жизненного опыта.

Сторонники технологий, напротив, считают искусственный интеллект мощным инструментом расширения творческих возможностей человека. Они подчеркивают, что ИИ способен помогать авторам в поиске новых художественных решений, ускорять творческий процесс и открывать новые формы самовыражения.

Отдельного внимания заслуживает проблема прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта. Большинство современных генеративных моделей являются закрытыми системами, а компании-разработчики не раскрывают сведения об используемых датасетах и принципах работы

алгоритмов. Это затрудняет определение источников происхождения создаваемого контента и повышает риск нарушения авторских прав.

Некоторые исследователи считают необходимым введение обязательных механизмов раскрытия информации о данных, использованных для обучения ИИ. Подобный подход позволил бы правообладателям контролировать использование их произведений и способствовал бы повышению уровня доверия к ИИ-технологиям.

Серьезной проблемой становится влияние искусственного интеллекта на рынок труда в креативных индустриях. Алгоритмы уже способны создавать тексты, иллюстрации, музыку, дизайн, рекламные материалы и даже сценарии. В результате представители творческих профессий сталкиваются с риском снижения спроса на их труд.

Автоматизация творческих процессов может привести к изменению традиционных моделей вознаграждения за интеллектуальный труд. Некоторые эксперты предлагают внедрение специальных механизмов регулирования использования ИИ в коммерческих проектах, включая лицензирование, квоты и обязательное указание участия искусственного интеллекта в создании контента.

Важным аспектом остается вопрос юридической ответственности за контент, созданный искусственным интеллектом. Если ИИ генерирует материалы, содержащие дезинформацию, экстремистские элементы, нарушение моральных норм либо незаконный контент, возникает проблема определения субъекта ответственности.

На современном этапе ответственность, как правило, возлагается на пользователя или владельца системы искусственного интеллекта. Однако с увеличением автономности алгоритмов данный вопрос становится все более сложным. Некоторые ученые предлагают разработку особого правового статуса для ИИ-систем, который позволил бы установить отдельные механизмы ответственности.

Особую обеспокоенность вызывают технологии создания «глубоких подделок» — deepfake. Искусственный интеллект позволяет создавать реалистичные изображения, аудиозаписи и видеоматериалы, имитирующие внешность и голос человека. Подобные технологии могут использоваться для манипуляции общественным мнением, распространения ложной информации и нарушения прав личности.

Во многих государствах уже ведется разработка правовых механизмов, направленных на регулирование использования deepfake-технологий. Основное внимание уделяется защите права на изображение, обеспечению достоверности информации и предотвращению злоупотреблений.

Вопросы этики затрагивают также проблему культурного разнообразия. Поскольку алгоритмы обучаются преимущественно на наиболее популярных и массовых образцах контента, существует риск стандартизации творчества и постепенного вытеснения уникальных культурных форм.

Некоторые специалисты считают, что широкое распространение ИИ может привести к доминированию коммерчески успешных художественных

моделей и снижению интереса к локальным культурным традициям. В связи с этим возникает необходимость поддержки авторов, работающих в национальных и традиционных жанрах.

Значительное количество дискуссий связано с использованием произведений, защищенных авторским правом, для обучения нейросетей. Компании-разработчики ИИ нередко используют огромные массивы данных без получения прямого согласия правообладателей. Это стало причиной многочисленных судебных разбирательств.

Одним из наиболее известных случаев является иск компании Getty Images против Stability AI. Истец утверждал, что миллионы изображений, защищенных авторским правом, были использованы для обучения генеративной модели без разрешения правообладателей. Данный спор стал одним из крупнейших процессов в сфере регулирования искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности.

Схожие проблемы возникают и в музыкальной индустрии. Современные алгоритмы способны генерировать композиции в стиле известных исполнителей, что вызывает споры о допустимости подобного творчества. Если ИИ воспроизводит узнаваемые элементы музыкального произведения, возникает вопрос о нарушении авторских и смежных прав.

В киноиндустрии также появляются новые правовые и этические вызовы. Использование цифровых копий актеров, воссоздание образов умерших знаменитостей и генерация сцен при помощи ИИ требуют разработки новых механизмов защиты прав личности.

Одним из наиболее обсуждаемых случаев стало использование искусственного интеллекта для цифрового воспроизведения образа актера Брэндона Ли. Данный пример вызвал общественные дискуссии о допустимости использования внешности умерших лиц без согласия их родственников.

В сфере журналистики применение искусственного интеллекта также сопровождается многочисленными спорами. В 2023 году ряд крупных новостных агентств обвинил разработчиков языковых моделей в использовании журналистских материалов для обучения ИИ без лицензирования. Эти дела продемонстрировали, что существующие нормы авторского права не успевают адаптироваться к темпам технологического развития.

Не менее важным является вопрос правового статуса разработчиков искусственного интеллекта. В традиционном понимании разработчик программного обеспечения не считается автором произведения, созданного с помощью его программы. Однако в случае генеративных моделей именно разработчики формируют архитектуру алгоритмов, ограничения системы и параметры генерации.

Многие ученые считают, что разработчик ИИ оказывает существенное влияние на создаваемый контент и потому должен рассматриваться как участник правоотношений в сфере интеллектуальной собственности. Некоторые исследователи предлагают признавать разработчиков

техническими соавторами произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта.

В современных условиях особое значение приобретают пользовательские соглашения и лицензионные условия ИИ-платформ. Компании-разработчики самостоятельно определяют порядок распределения прав на контент, создаваемый пользователями.

Например, отдельные платформы закрепляют за пользователем исключительные права на созданный контент, тогда как другие предусматривают сохранение определенных прав за разработчиком системы. Подобная практика свидетельствует о необходимости выработки единых международных стандартов регулирования.

В научной литературе активно обсуждается концепция «алгоритмического посредника». Согласно данной теории, искусственный интеллект рассматривается как инструмент, через который реализуется творческая воля человека. В рамках подобного подхода автором признается пользователь системы, тогда как ИИ выполняет вспомогательную функцию.

Некоторые исследователи предлагают концепцию совместного авторства, при которой произведение рассматривается как результат взаимодействия нескольких субъектов: разработчика алгоритма, пользователя системы и иных участников процесса.

Важным международным направлением становится разработка правил использования данных для обучения искусственного интеллекта. В США применяется концепция добросовестного использования — fair use, допускающая ограниченное использование авторских материалов без согласия правообладателя.

В Европейском союзе действует механизм исключений для анализа текстов и данных, позволяющий использовать произведения для исследовательских целей. В Японии законодательство допускает использование защищенных материалов для обучения ИИ при условии, что подобное использование направлено на развитие технологий.

Китайская правовая система постепенно формирует судебную практику, признающую возможность охраны произведений, созданных с участием ИИ, при наличии творческого вклада человека. Подобный подход демонстрирует стремление государства создать гибкую систему регулирования цифрового творчества.

В Республике Казахстан вопросы правового регулирования искусственного интеллекта пока находятся на стадии формирования. Законодательство РК основывается на традиционном понимании авторства, признавая автором исключительно физическое лицо.

Тем не менее уже появляются случаи рассмотрения споров, связанных с использованием искусственного интеллекта в творчестве. В частности, в судебной практике встречаются дела, где авторское право признается за лицом, инициировавшим создание произведения и осуществившим его редактирование.

Казахстанские ученые и специалисты в области права предлагают разработку специального правового режима для регулирования ИИ-творчества. Среди возможных инициатив рассматриваются:

1. введение понятия посредственного авторства;
2. определение критериев творческого вклада пользователя;
3. создание системы регистрации ИИ-произведений;
4. разработка механизмов лицензирования генеративного контента;
5. внедрение требований к прозрачности алгоритмов.

В условиях глобализации и активного развития цифровых технологий международное сотрудничество приобретает особое значение. Только согласованные действия государств способны обеспечить эффективную защиту прав авторов, пользователей и разработчиков ИИ.

Таким образом, развитие искусственного интеллекта создает масштабные правовые и этические вызовы, затрагивающие вопросы авторства, оригинальности, ответственности, прозрачности алгоритмов и защиты культурного разнообразия. Современная правовая система вынуждена адаптироваться к новым технологическим реалиям, разрабатывая механизмы регулирования, способные обеспечить баланс между инновациями и защитой интеллектуальной собственности. В перспективе именно международное сотрудничество и формирование единых правовых стандартов станут основой эффективного регулирования искусственного интеллекта в сфере творчества.

1.4 Перспективы изменений в законодательстве

С учетом быстрого развития технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), актуальность реформирования правовой системы в области авторского права становится очевидной. Международные конвенции, такие как Бернская конвенция и Всемирная конвенция по авторским правам, не полностью учитывают специфику произведений, созданных ИИ, что приводит к правовым пробелам и неопределенности.

Одним из возможных направлений реформ является необходимость создания четких норм, касающихся авторства и оригинальности произведений, созданных ИИ. Это включает в себя вопросы о том, кто является автором — разработчик алгоритма, пользователь или сам ИИ. Учитывая международные практики, как подчеркивает Директива ЕС о авторских правах в цифровом едином рынке, важно разработать стандарты, которые могли бы быть применимы в разных юрисдикциях.

Также необходимо обратить внимание на лицензирование и права на переработку произведений, созданных ИИ. В Гражданском кодексе РК и Законе "Об авторском праве и смежных правах" необходимо внести изменения, которые бы позволили гибко адаптироваться к новым вызовам, связанным с цифровыми технологиями. Это может включать разработку новых типов лицензий, которые учитывали бы особенности использования ИИ в творчестве.

Кроме того, важным направлением реформ является создание этических стандартов, регулирующих использование ИИ в области искусства и науки. Как отмечается в Соглашении о сотрудничестве в области охраны авторского права, создание таких стандартов поможет не только защитить права авторов, но и сохранить культурные ценности в условиях цифровизации.

Таким образом, перспективы изменений в законодательстве требуют комплексного подхода, включающего как правовые, так и этические аспекты. Это позволит создать адаптивную правовую систему, способную эффективно реагировать на вызовы, связанные с развитием новых технологий и обеспечивать защиту прав интеллектуальной собственности в будущем.

В Республике Казахстан правовое регулирование авторских прав осуществляется в рамках Гражданского кодекса РК, Закона РК «Об авторском праве и смежных правах», а также ряда подзаконных актов. Основные положения:

1) Согласно законодательству, автором произведения признается физическое лицо, создавшее произведение.

2) Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, что означает невозможность признания его автором произведения.

3) Авторские права принадлежат человеку, который управляет ИИ или инициирует создание контента.

4) Возможен механизм признания произведений, созданных ИИ, как производных или коллективных, с указанием юридического или физического лица в качестве носителя прав.

Международные акты и практика:

1) Бернская конвенция (1886 г.) – закрепляет принцип охраны произведений, созданных человеком, но не рассматривает вопрос интеллектуального творчества машин.

2) Договор ВОИС по авторскому праву (1996 г.) – уточняет защиту цифровых произведений, но не содержит положений о работах ИИ.

Законодательство ЕС:

1) В 2020 г. Европейский парламент предложил рассмотреть правовой статус ИИ, но пока единого подхода нет.

2) Директива ЕС о цифровых авторских правах ограничивается защитой прав человека-автора.

США:

В 2023 г. Бюро по авторским правам США отказало в регистрации произведения, созданного ИИ без участия человека.

Китай:

Разрешена регистрация авторских прав, если человек внес существенные правки в результат работы ИИ.

Европейский союз (ЕС) занимает активную позицию в вопросе регулирования интеллектуальной собственности на произведения, создаваемые с использованием ИИ. Принятая в 2019 году Директива о цифровом авторском праве (Directive 2019/790/EU) содержит положения,

касающиеся интеллектуального анализа текста и данных (text and data mining — TDM), предоставляя исследовательским организациям исключения для целей обучения ИИ. Важно отметить, что директива разрешает использовать защищенные авторским правом материалы для автоматизированного анализа, если это делается в некоммерческих целях, а коммерческое использование требует согласия правообладателя.

В 2021 году Европейский парламент опубликовал доклад с предложением пересмотреть статус ИИ в праве, указав на необходимость учитывать алгоритмические формы творчества. Европейская комиссия также рассматривает введение новой категории «электронного авторства», предполагающей ограниченное право на контент, сгенерированный ИИ, если участие человека минимально.

После выхода из ЕС Великобритания пересматривает свою политику в области интеллектуальной собственности с учетом развития ИИ. В 2022 году Бюро по интеллектуальной собственности Великобритании опубликовало отчет, в котором признало, что действующее законодательство не способно адекватно охватывать авторские права на ИИ-контент. Однако в отличие от ЕС, Великобритания предлагает расширить режим TDM на все виды использования, включая коммерческое, с целью стимулирования ИИ-инноваций.

Кроме того, обсуждается возможность создания нового правового механизма — лицензий на ИИ-творчество (AI-generated works license), позволяющего пользователям ИИ получать ограниченные права на созданные им объекты. Это предложение поддержано рядом технологических компаний и научных учреждений.

Китай активно регулирует сферу ИИ с точки зрения авторского права. В 2022 году Пекинский интернет-суд вынес прецедентное решение, в котором признал авторское право на произведение, созданное с использованием ИИ, при наличии доказуемого творческого участия человека. Это решение легло в основу ряда национальных инициатив, направленных на формализацию правового режима для ИИ-контента.

Китайская академия наук и Министерство юстиции разработали проект закона, в котором предлагается признание «вспомогательного авторства» за пользователями ИИ, а также введение государственного реестра ИИ-генерируемых произведений. Китай делает акцент на балансе между охраной прав авторов и стимулированием инноваций.

Япония одной из первых стран начала адаптацию авторского законодательства к условиям ИИ. В 2018 году были внесены изменения в Закон об авторском праве, которые разрешают использование защищенных материалов для обучения ИИ, если целью является развитие технологий, а не извлечение прибыли.

В 2021 году Японское агентство по культурным вопросам выпустило методические рекомендации по авторским правам на ИИ-произведения. В них указано, что при наличии творческого вмешательства человека возможна

регистрация авторского права, даже если значительная часть работы была выполнена алгоритмом.

Соединённые Штаты придерживаются консервативного подхода. Бюро по авторским правам (U.S. Copyright Office) в 2023 году вновь подтвердило, что авторские права предоставляются только человеку. В решении по делу Thaler v. Perlmutter суд указал, что отсутствие человеческого участия исключает возможность регистрации прав.

Тем не менее, в научных кругах обсуждается возможность изменения законодательства. Американская ассоциация юристов (ABA) провела серию конференций, на которых обсуждались модели распределения прав на произведения, созданные ИИ. Одним из предложений было введение института «оператора авторства», когда права закрепляются за пользователем ИИ, а не за разработчиком алгоритма.

Южная Корея признана одним из лидеров в регулировании ИИ в Азии. В 2022 году Министерство науки и ИКТ опубликовало стратегию регулирования ИИ, в рамках которой обсуждается признание авторства за субъектом, определяющим параметры генерации контента. При этом предлагается ввести принцип «обратного следа» (traceability), позволяющий определить источник алгоритмического творчества.

Как видно из анализа, страны мира разрабатывают разнообразные подходы к регулированию авторских прав на ИИ-произведения. От признания вспомогательного авторства и введения специальных исключений до создания новых категорий прав — все эти меры отражают стремление адаптировать правовые системы к вызовам цифровой эпохи. Для Казахстана полезным станет заимствование сбалансированных моделей, основанных на международном опыте и способствующих инновациям при соблюдении принципов справедливости и правовой определенности.

Технологи и инженеры, занимающиеся разработкой ИИ, зачастую рассматривают вопрос авторства не как юридическую, а как инженерную проблему. Многие из них указывают, что ИИ, по сути, является высокотехнологичным инструментом, лишённым сознания и воли. Например, Илон Маск, сооснователь OpenAI, в интервью на MIT Technology Review подчеркивал, что «ИИ создаёт то, что мы заложили в него, и без нас — он просто код».

Подобный подход поддерживает Сэм Альтман, нынешний руководитель OpenAI, заявивший: «Пользователь определяет результат. Мы создаём платформу, но не можем контролировать творчество, как не контролируем интернет». Это мнение подчёркивает инженерную логику, где авторство напрямую связано с пользователем, а не с разработчиком или самой моделью.

Крупные ИТ-компании, такие как Microsoft, Google и IBM, придерживаются осторожной позиции в вопросе авторства. Они признают, что ИИ — это инструмент, и авторские права должны принадлежать пользователю или организации, которая запускает генеративный процесс. Например, Google Cloud в своей политике по генеративному ИИ утверждает,

что «пользователь несёт ответственность за содержание, а также получает права на его использование, если иное не указано в контракте».

Инженеры Google DeepMind считают, что «ИИ способен к генерации, но не к осмысленному творчеству». Поэтому в их отчётах подчёркивается необходимость правового разграничения между технической генерацией и авторским творчеством.

Некоторые специалисты, такие как Тимнит Гебру (экс-исследователь Google), акцентируют внимание на этическом аспекте. Она утверждает, что чрезмерное наделение ИИ авторскими правами может привести к уходу от ответственности человека и усилению «иллюзии автономии машин». Гебру предлагает нормативно закрепить правило: «Авторство — всегда следствие воли человека, а не результата модели».

Подобного мнения придерживается профессор Кейт Кроуфорд (AI Now Institute), утверждая, что «ИИ — это отражение архитектуры, данных и человеческих решений». Её исследования демонстрируют, что технические системы обладают контекстной обусловленностью, и любое творческое проявление должно рассматриваться в контексте человеческого участия.

Разработчики из open-source-сообщества, такие как Hugging Face или Stability AI, выражают обеспокоенность возможной монополизацией авторских прав на ИИ-произведения. Их представители заявляют, что признание авторства за ИИ или крупными компаниями может нарушить принцип открытых данных и ограничить доступ к инновациям.

Стартапы, работающие с генеративным контентом, как правило, стремятся к ясности: они фиксируют в пользовательских соглашениях, что весь контент принадлежит пользователю, и не претендуют на авторство. Это облегчает коммерческое использование и снижает юридические риски.

Мнения технологов и IT-специалистов показывают, что в инженерном и практическом сообществе преобладает подход, в котором ИИ — инструмент, а автором считается пользователь. В то же время существует осознание этических и нормативных рисков, связанных с признанием ИИ субъектом авторского права. Совокупно это формирует техноцентричную, но в то же время ответственно ориентированную позицию, которую следует учитывать при выработке правовых решений в сфере ИИ и авторского права.

Казахстанское законодательство не признает ИИ субъектом авторского права, но допускает регистрацию прав за человеком, управляющим системой. Международные нормы в большинстве своем требуют участия человека для признания авторства. Прецедентная практика в США и Китае показывает, что важным фактором является степень человеческого вмешательства в процесс генерации контента. В ЕС продолжаются дискуссии о возможном признании ИИ как соавтора или введении нового правового режима.

Необходима адаптация законодательства РК – включение норм о произведениях, созданных ИИ, с учетом международных практик. Введение критерия «значительного творческого вклада человека» для определения авторства. Разработка отдельного правового режима для контента, создаваемого ИИ, возможно с введением права собственности на алгоритмы

и базы данных. Мониторинг международных инициатив для учета тенденций и возможного внедрения лучших практик в национальное законодательство.

Таким образом, Казахстану необходимо модернизировать нормативно-правовую базу для учета новых технологических реалий, что позволит обеспечить эффективную защиту прав на произведения, создаваемые искусственным интеллектом.

В ходе анализа правовой защиты авторских прав на произведения, генерируемые искусственным интеллектом (ИИ), мы рассмотрели ключевые аспекты, включая существующие правовые нормы, судебные прецеденты и современные вызовы. Важным выводом является то, что традиционные подходы к авторскому праву, основанные на концепции человеческого авторства, сталкиваются с серьезными трудностями при применении к ИИ-генерируемым произведениям.

Одним из основных пунктов статьи было рассмотрение вопроса о том, кто может считаться автором произведения, созданного ИИ. В разных юрисдикциях наблюдаются различные подходы: от признания автором создателя или оператора ИИ до полной неопределенности в данном вопросе. Например, в США авторские права на произведения, созданные исключительно ИИ без участия человека, не признаются, тогда как в Европейском союзе обсуждаются возможности более гибкого подхода.

Важность понимания новых реалий авторского права в свете ИИ невозможно переоценить. Технологический прогресс и рост применения ИИ в творческих процессах требуют пересмотра и адаптации существующих правовых норм. Необходимо учитывать, что ИИ не только инструментарий, но и потенциальный соавтор, что вносит дополнительные сложности в правовые отношения.

Для эффективной защиты авторских прав в эпоху ИИ необходимо интегрировать различные правовые системы и концепции. Международное сотрудничество и гармонизация законодательства могут способствовать созданию более устойчивой и предсказуемой правовой среды. Комплексный подход включает в себя разработку новых нормативных актов, пересмотр существующих законов и создание специализированных юридических институтов.

Кроме того, важную роль играет междисциплинарный диалог, включающий юристов, разработчиков ИИ, представителей творческих индустрий и правозащитников. Только совместными усилиями можно выработать сбалансированные решения, которые будут учитывать интересы всех сторон и способствовать развитию инноваций без ущерба для прав авторов.

Подводя итоги, можно сказать, что защита авторских прав на произведения, генерируемые ИИ, представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую нового взгляда и адаптации правовых норм к современным реалиям. Основные выводы статьи подчеркивают необходимость переосмысления традиционных подходов к авторскому праву и интеграции различных правовых систем и концепций.

Развитие ИИ и его применение в творческих процессах ставят перед нами вызов, но также открывают новые возможности. Комплексный подход, основанный на международном сотрудничестве, междисциплинарном диалоге и адаптации законодательства, является ключевым для обеспечения эффективной защиты авторских прав в эпоху ИИ. Только таким образом можно достичь баланса между поощрением инноваций и уважением прав создателей, что в конечном итоге будет способствовать развитию культуры и технологий.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) продолжается экспоненциальными темпами, и в ближайшие 5–10 лет можно ожидать фундаментальных изменений как в характере творческой деятельности, так и в подходах к правовому регулированию. Ожидается, что ИИ перейдет от вспомогательного инструмента к полноценному партнеру в креативных процессах, а в некоторых отраслях — к основному производителю контента.

Будущие поколения ИИ будут обладать значительно большей автономностью, способностью к абстрактному мышлению и междисциплинарной генерации контента. Уже сейчас наблюдается появление мультимодальных моделей, таких как GPT-5, способных одновременно работать с текстом, изображениями, звуком и видео. В ближайшее время можно ожидать:

1) Рост когнитивной автономии: ИИ начнет сам инициировать творческие процессы, формулировать цели и оценивать результаты.

2) Морально-эстетическая обучаемость: алгоритмы смогут «учиться» на эстетических и культурных стандартах, заданных обществом.

Глубокая персонализация: ИИ будет способен создавать произведения, адаптированные под вкусы конкретных пользователей — вплоть до имитации индивидуального художественного стиля.

Такие технологии, по сути, начнут формировать новое культурное пространство, где человеческий и машинный креатив сливаются, а границы между автором и инструментом размываются.

В будущем можно ожидать появления гибридных форм творчества, когда произведение будет создаваться с минимальным или даже без участия человека. Это потребует пересмотра целого ряда юридических понятий:

Автоматическое соавторство: если ИИ в будущем будет способен не только на генерацию, но и на самокоррекцию, логичным станет обсуждение его юридического статуса как «автономного креатора».

Право на стиль и алгоритм: возможен рост судебных споров, связанных не с плагиатом содержания, а с «копированием художественного метода» или особенностей генеративного алгоритма.

Распределенное авторство: в случае, когда множество ИИ-моделей и пользователей участвуют в создании единого произведения, встанет вопрос о принципах распределения авторских прав и долевого владения.

В этих условиях потребуется введение новых правовых категорий, таких как «алгоритмическое творчество», «нейросетевой контент» или «посредническое авторство».

В ближайшие годы, под влиянием технологических достижений, можно ожидать следующие изменения в сфере авторского права:

Появится необходимость признания «автора-пользователя» и «автора-разработчика» как совместных правообладателей произведений, созданных ИИ. Возможно внедрение новой категории — «алгоритмически поддерживаемое творчество».

Для решения проблем с идентификацией источника, авторства и первичности возможно внедрение цифровой регистрации всех ИИ-генерируемых произведений с автоматической метаинформацией о параметрах генерации, модели, промте и пользователе.

Может быть введен механизм лицензий на генерацию контента — по аналогии с лицензиями на радиочастоты или трансляции. Такое лицензирование обеспечит контроль качества и прозрачность прав на создаваемый контент.

Юристы могут разработать понятие производных произведений, полученных в результате комбинированной генерации ИИ на основе ранее существующих стилей, образов и данных — с указанием источников и соблюдением прав предыдущих авторов.

Наряду с прогрессом, растут и потенциальные угрозы:

Монополизация генеративных платформ — крупные компании, обладая доступом к уникальным ИИ-моделям и данным, могут монополизировать культурное производство и подавить независимых авторов.

Цифровая подмена авторства — уже сегодня возможны случаи, когда ИИ генерирует произведения, имитирующие стиль конкретного автора, что может привести к обесцениванию бренда и подрыву репутации.

Рост недоверия к оригинальности — пользователи всё чаще сомневаются в «человеческой» природе произведений, что влечёт за собой культурный скепсис и эрозию доверия к авторству как таковому.

Для Казахстана важно не только адаптироваться к глобальным изменениям, но и занять активную позицию в формировании правовых стандартов. Перспективными направлениями могут стать:

1) Введение в Гражданский кодекс РК специальных норм о произведениях, созданных ИИ.

2) Разработка национального реестра ИИ-произведений с элементами автофиксации и прозрачности.

3) Участие в международных рабочих группах ВОИС, ЮНЕСКО и ЕАЭС по вопросам ИИ и авторского права.

Будущее ИИ в сфере творчества — это не просто технологическая трансформация, а глубокий сдвиг в правовом и этическом понимании самого акта создания. В ближайшие годы правовая система должна не просто догонять технологии, а активно участвовать в формировании принципов, на которых будет строиться культура XXI века. Прогнозы показывают, что только при условии гибкости законодательства, междисциплинарного

подхода и международного сотрудничества можно будет обеспечить справедливый и устойчивый правовой порядок в эпоху цифрового творчества.

Проведённый анализ в рамках первой главы подтвердил, что развитие искусственного интеллекта (ИИ) оказывает глубокое влияние на фундаментальные правовые категории авторского права. В условиях цифровизации ключевые понятия, такие как авторство, оригинальность, творческий вклад и правосубъектность, претерпевают концептуальные изменения. Это требует переосмысления традиционных юридических конструкций и адаптации нормативной базы к новым реалиям.

Прежде всего, очевидно, что ИИ уже не является просто инструментом, выполняющим функции по обработке информации. Генеративные модели, способные создавать литературные, визуальные, музыкальные и иные произведения, поднимают вопрос о возможном расширении понятия авторства. В связи с этим встает задача определить, какие критерии следует применять для признания произведения объектом авторского права: необходимо ли участие человека, если да — то в какой форме, и может ли ИИ признаваться самостоятельным субъектом авторских отношений.

Сравнительный анализ международного опыта показал отсутствие единообразного подхода. В США и Канаде авторские права жёстко привязаны к человеку; в Китае и Японии допускается регистрация авторских прав за произведениями, сгенерированными ИИ, при наличии доказуемого участия человека. В ЕС ведутся дискуссии о возможности введения новых категорий авторского права, включая понятие «совместного авторства с ИИ». Эти разногласия демонстрируют потребность в международной гармонизации подходов и стандартизации правовых механизмов.

Казахстанская правовая система пока сохраняет приверженность классическим определениям: автором может быть только физическое лицо, способное к творческому труду. Однако практика регистрации произведений, созданных с участием ИИ, уже началась, что свидетельствует о необходимости оперативного обновления законодательства. Отдельного внимания заслуживают положения о коллективных и производных произведениях, которые могут быть применены к случаям, когда ИИ действует в связке с человеком.

Кроме правовых аспектов, в главе были затронуты этические и технологические вызовы. В условиях массового внедрения ИИ возникает опасность подмены человеческого творчества машинной генерацией, что может привести к девальвации авторского труда, нарушению этических стандартов и искажению культурного контекста. Особенно остро стоит вопрос ответственности за контент, созданный ИИ, — как в случае нарушения авторских прав, так и в случае распространения дезинформации или вредоносных материалов.

Технологические аспекты, такие как архитектура моделей, обучение на защищённых данных, непрозрачность алгоритмов и стилистическая мимикрия, требуют внедрения новых правовых институтов: цифрового следа, обязательной регистрации генерации, аудита алгоритмов и др. Всё это

поднимает вопрос о необходимости внедрения гибкой и адаптивной системы регулирования.

Глава также рассмотрела роль пользователя и разработчика в процессе генерации произведений. Именно здесь кроется основная правовая неопределённость: кто и в какой мере обладает правами на результат — лицо, инициировавшее генерацию, или лицо, разработавшее алгоритм, обеспечившее инфраструктуру и обучившее ИИ? Практика показывает, что на сегодняшний день большинство платформ перекладывают ответственность и права на пользователя, но такая модель требует правового оформления на государственном уровне.

Важным итогом анализа стало осознание, что современная правовая система сталкивается не только с новым типом субъектов (ИИ), но и с новым типом произведений — гибридных, распределённых, алгоритмически сгенерированных. Эти произведения нередко нарушают границы традиционного восприятия искусства, что требует пересмотра концепций оригинальности, новизны и творческого вклада.

Подводя итог, можно выделить следующие ключевые положения:

1) ИИ трансформирует понятие авторства, что требует обновления юридических определений и критериев охраноспособности.

2) Международная практика демонстрирует разнонаправленные подходы, что создаёт коллизии и затрудняет трансграничное регулирование авторских прав.

3) Казахстанское законодательство нуждается в модернизации: в частности, в разработке правового режима для произведений, созданных с участием ИИ.

4) Этические и технологические вызовы требуют выработки новых принципов регулирования, включая прозрачность алгоритмов, учет человеческого участия, защиту прав потребителей и авторов.

5) Необходим комплексный подход, сочетающий правовые, технические, этические и международные меры для эффективной защиты авторских прав в цифровую эпоху.

Дополнительно стоит отметить, что проблема правовой неопределенности в отношении ИИ-генерируемых произведений имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Уже сегодня в Казахстане и за его пределами фиксируются конкретные случаи коммерческого использования контента, созданного с помощью ИИ — в рекламе, журналистике, иллюстрации, музыкальной индустрии и даже в судебной экспертизе. Это означает, что законодательное отставание от технологических реалий может привести не только к нарушениям прав субъектов, но и к росту правовых конфликтов и затруднений в применении норм.

Особенно уязвимыми оказываются представители творческих профессий — писатели, художники, музыканты, дизайнеры. Широкая доступность генеративных моделей приводит к тому, что создаваемый вручную оригинальный контент конкурирует с продуктами,

сгенерированными за секунды и часто — без указания источников обучения. В результате возрастает риск вытеснения человека из ряда нишевых отраслей, а также девальвации интеллектуального труда. Это поднимает вопрос социальной и трудовой защиты авторов, что также требует правовой проработки.

Нельзя игнорировать и возможные злоупотребления. Примеры, когда ИИ создает произведения в стиле конкретного автора, без его согласия, уже стали предметом правовых споров. Возникают новые формы подделок — "deep art" и "style piracy" — имитация эстетики, направленная на введение потребителя в заблуждение. Эти вызовы требуют оперативного реагирования со стороны как правовой системы, так и творческого сообщества.

Сложность правового регулирования усиливается также тем, что большинство ИИ-моделей функционируют на транснациональных цифровых платформах. Это означает, что нарушения могут происходить одновременно в разных юрисдикциях, а применимое право и компетенция суда могут быть неочевидны. Проблема усугубляется при отсутствии международных соглашений, специально регулирующих вопросы авторских прав на ИИ-контент.

Поэтому в качестве важного вывода можно зафиксировать: недостаточно просто адаптировать национальное законодательство — необходимо вырабатывать принципы глобальной правовой координации. Это предполагает активное участие Казахстана в международных форумах, таких как ВОИС, ЮНЕСКО, Всемирный экономический форум, в целях продвижения сбалансированного подхода, который учтет как интересы разработчиков и пользователей ИИ, так и авторов и правообладателей.

Следует учитывать, что правовая регламентация в данной сфере не должна носить исключительно запретительный или охранительный характер. Напротив, важно стимулировать инновации, обеспечивая правовую определенность и прозрачность. Это возможно через:

- внедрение стандартов регистрации ИИ-произведений с обязательным указанием параметров генерации;
- создание единого цифрового регистра, интегрированного с международными базами данных о правах;
- введение обязательной маркировки контента, созданного ИИ;
- разработку типовых лицензионных соглашений и моделей распределения прав между пользователем и разработчиком ИИ;
- поддержку креативных индустрий через гранты, налоговые льготы и квоты на человеческий труд в ключевых секторах.

Также перспективным направлением является развитие этических кодексов в сфере цифрового творчества, аналогичных биоэтическим нормам в медицине. Такие кодексы могли бы закрепить принципы уважения к человеческому авторству, прозрачности источников данных, запрета на манипуляцию восприятием и обязательности информирования потребителя.

Углубленное исследование темы в первой главе позволило обосновать необходимость не только правовых, но и институциональных,

образовательных и культурных изменений. Защита авторских прав в эпоху ИИ требует переосмысления не только юридических категорий, но и более широкого взгляда на соотношение технологии и творчества. Продолжение исследования в следующих главах будет направлено на формулирование конкретных механизмов правового регулирования, с учетом как национальных особенностей Казахстана, так и лучших международных практик.

Первая глава диссертации обозначила ключевые проблемные зоны, выявила правовые пробелы и создала основу для дальнейшего исследования, направленного на разработку предложений по реформированию законодательства. В следующих главах внимание будет сосредоточено на более глубоком анализе зарубежных практик, казахстанского законодательства, судебной и административной практики, а также на формулировании конкретных рекомендаций по гармонизации правового режима авторских прав в эпоху ИИ.

2 ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ГЕНЕРИРУЕМЫЕ ИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Конституционно-правовые основы защиты авторских прав в Республике Казахстан закреплены на уровне Основного закона и формируют базу для всего последующего регулирования интеллектуальной собственности, включая произведения, создаваемые с использованием искусственного интеллекта.

Конституция также гарантирует свободу творчества, что вытекает из общих положений о правах и свободах человека. В совокупности эти нормы создают двойственную конструкцию: с одной стороны, обеспечивается защита результатов интеллектуальной деятельности, с другой — закрепляется свобода их создания. В условиях развития ИИ это приобретает особую значимость, поскольку технологии одновременно расширяют возможности творчества и ставят под сомнение традиционное понимание автора как физического лица.

На уровне текущего законодательства Казахстан придерживается классической модели авторского права. Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» (1996 г., с последующими изменениями) прямо указывает, что автором признается физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Это положение создает очевидный разрыв между конституционной нормой общего характера и отраслевым регулированием, поскольку ИИ не может быть признан субъектом права. В результате произведения, созданные полностью автономными системами, оказываются в правовой неопределенности.

Практика показывает, что в Казахстане пока отсутствуют судебные дела, напрямую рассматривающие вопрос авторства ИИ. Однако аналогичные кейсы в других юрисдикциях демонстрируют общий подход. Например, Бюро по авторским правам США в 2022–2023 гг. отказало в регистрации произведений, созданных без участия человека (дело Stephen Thaler), а также частично ограничило охрану изображений, сгенерированных нейросетью Midjourney (дело Kristina Kashtanova). В Европейском союзе в Директиве 2019/790 закреплено, что объектом охраны являются только результаты «собственного интеллектуального творчества автора», что также подразумевает человеческий вклад. Эти примеры важны для Казахстана, поскольку его правовая система ориентируется на международные стандарты, включая положения Всемирная организация интеллектуальной собственности.

Дополнительным фактором стало институциональное развитие сферы ИИ в Казахстане. В последние годы государство активно формирует цифровую правовую среду: принята программа «Цифровой Казахстан», разрабатываются концепции регулирования искусственного интеллекта, обсуждается создание специализированных государственных органов,

курирующих ИИ. Это свидетельствует о переходе от декларативных норм к формированию комплексной политики, в рамках которой вопросы авторского права становятся частью более широкой цифровой повестки.

Отдельное значение имеет проблема соотношения конституционных гарантий и новых технологических реалий. Конституция исходит из антропоцентричной модели права, где носителем прав является человек. Искусственный интеллект, даже при высокой степени автономности, не обладает правосубъектностью, не может нести ответственность и реализовывать права. Следовательно, конституционная защита может быть реализована только через человека — пользователя, разработчика или иное заинтересованное лицо. Это ограничивает возможность признания ИИ самостоятельным автором без изменения базовых конституционных принципов.

В научной литературе Казахстана уже высказываются предложения о необходимости адаптации подходов к авторству. В частности, обсуждаются модели, при которых права закрепляются за лицом, организовавшим процесс создания произведения, либо вводится специальный режим для ИИ-генерируемых объектов, аналогичный смежным правам. Такие подходы позволяют сохранить соответствие Конституции, не нарушая принципа защиты прав человека как центрального элемента правовой системы.

Фактически конституционные нормы в Казахстане уже обеспечивают основу для защиты ИИ-генерируемых произведений, но делают это косвенно — через человека. Основная проблема заключается не в отсутствии защиты как таковой, а в отсутствии четких критериев распределения прав между участниками процесса создания: пользователем, разработчиком алгоритма и владельцем системы. Это создает риски правовой неопределенности, особенно в коммерческом использовании ИИ-контента.

Таким образом, конституционно-правовая база Республики Казахстан обеспечивает общий уровень защиты интеллектуальной собственности, но не содержит специальных положений, учитывающих специфику искусственного интеллекта. Это приводит к необходимости дальнейшей конкретизации на уровне законодательства и правоприменительной практики, с опорой на международный опыт и формирующиеся стандарты регулирования ИИ.

Дополнительно к рассмотренным конституционным положениям следует учитывать международно-правовой контекст регулирования интеллектуальной собственности, в рамках которого развивается правовая система Республики Казахстан. Участие государства в основных международных соглашениях в данной сфере предполагает приверженность базовым принципам охраны результатов интеллектуальной деятельности, выработанным в рамках универсальных стандартов. Эти принципы исходят из того, что охрана предоставляется результатам творческой деятельности человека, что формирует устойчивую традицию антропоцентрического подхода в авторском праве.

На этом фоне возникает вопрос о применимости существующих правовых конструкций к результатам, создаваемым с использованием

искусственного интеллекта. Современные технологии позволяют получать произведения при минимальном участии человека, что усложняет определение фактического вклада субъекта. В таких условиях традиционные критерии творческого характера и оригинальности начинают требовать более гибкого толкования, поскольку границы между инструментом и самостоятельным источником генерации результата становятся менее очевидными.

В правовой доктрине встречается подход, согласно которому искусственный интеллект следует рассматривать исключительно как средство, используемое в процессе создания произведения. При таком понимании ключевое значение сохраняется за человеком, который инициирует процесс, определяет параметры и осуществляет контроль. Однако подобная позиция не всегда отражает реальную степень автономности современных систем, способных формировать результат без прямого и детального вмешательства пользователя.

Отдельного внимания требует вопрос распределения прав в случаях, когда результат создается в рамках сложных технологических платформ, где участвуют разработчики алгоритмов, владельцы систем и конечные пользователи. Отсутствие четкого разграничения ролей приводит к правовой неопределенности, особенно в коммерческом обороте таких объектов. В результате возникает потребность в формировании более детализированных подходов к определению субъекта прав, основанных на анализе фактического вклада в процесс создания произведения.

Существенное значение имеет также сохранение баланса между защитой интересов правообладателей и развитием технологий. Чрезмерное расширение исключительных прав может ограничить доступ к данным и технологиям, используемым для обучения систем искусственного интеллекта, тогда как недостаточная защита способна снизить мотивацию к созданию и внедрению инновационных решений. В этих условиях правовое регулирование требует осторожного и взвешенного подхода, учитывающего специфику цифровой среды и особенности новых форм творчества.

Развитие правовой системы в данной области связано не только с корректировкой законодательства, но и с постепенным формированием устойчивых правовых подходов в судебной и административной практике. Это предполагает накопление правоприменительного опыта, который в дальнейшем может стать основой для более точного нормативного регулирования.

Важным аспектом остается вопрос фиксации момента создания произведения и определения лица, обладающего правами на результат, полученный с использованием искусственного интеллекта. В традиционной модели авторского права сам факт создания произведения напрямую связан с личностью автора и его творческим вкладом. Однако в условиях использования алгоритмов искусственного интеллекта процесс создания становится менее линейным и включает в себя несколько уровней участия, где человеческий вклад может быть выражен не в непосредственном

создании, а в постановке задачи, выборе параметров и последующей корректировке результата.

Это приводит к тому, что юридическое значение приобретает не только итоговый результат, но и характер взаимодействия человека с системой. В зависимости от степени контроля над процессом генерации можно говорить о различной интенсивности творческого участия, что в свою очередь влияет на возможность признания правового статуса произведения. В отдельных случаях роль человека ограничивается формулированием запроса, что ставит под сомнение применение классических критериев авторства.

Сложность усиливается тем, что современные ИИ-системы способны генерировать множество вариантов одного и того же произведения, при этом конечный результат часто определяется не творческим замыслом, а вероятностными алгоритмами. Это создает ситуацию, при которой традиционное понимание оригинальности теряет свою однозначность, а правовая оценка произведения требует учета технологического процесса его формирования.

В этой связи особое значение приобретает необходимость выработки подходов, позволяющих учитывать степень человеческого участия при определении правового режима произведений. Речь идет о формировании критериев, которые позволили бы разграничивать случаи, когда результат может быть признан объектом авторского права в классическом понимании, и ситуации, когда требуется иная форма правовой охраны.

Дополнительным фактором выступает практическая необходимость обеспечения определенности в гражданском обороте таких объектов. Участники рынка нуждаются в ясном понимании того, кому принадлежат права на контент, созданный с использованием искусственного интеллекта, поскольку это напрямую влияет на возможность его коммерческого использования, передачи и защиты.

Конституционные изменения последних лет в Республике Казахстан свидетельствуют о постепенном расширении правового значения института интеллектуальной собственности и его адаптации к условиям цифровой трансформации. В рамках обсуждаемых поправок усиливается акцент на закреплении в Основном законе не только традиционных гражданских прав, но и новых категорий, связанных с творческой и интеллектуальной деятельностью.

Особое значение имеет то, что в обновлённой конституционной модели интеллектуальная собственность рассматривается как самостоятельная ценность правового государства, требующая прямого конституционного закрепления и усиленной защиты. Подобный подход отражает тенденцию перехода от декларативного регулирования к более структурированному включению вопросов интеллектуальной собственности в систему базовых конституционных гарантий. В научной и экспертной среде отмечается, что это усиливает статус автора и придаёт дополнительную устойчивость правовой охране результатов творческой деятельности.

Важным элементом является расширение содержания свободы творчества, которая в конституционном контексте начинает рассматриваться не только как индивидуальное право, но и как основа развития цифровой и инновационной экономики. Это особенно актуально в условиях распространения технологий искусственного интеллекта, где творческий процесс всё чаще приобретает гибридный характер, объединяя человеческое участие и алгоритмическую обработку данных.

Отдельного внимания заслуживает усиление роли конституционных гарантий в сфере интеллектуальной собственности в связи с развитием цифровой среды. Современные поправки отражают стремление государства адаптировать Основной закон к новым технологическим реалиям, включая вопросы защиты результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием цифровых технологий. В результате формируется более широкая трактовка охраняемых объектов, охватывающая не только традиционные формы творчества, но и новые цифровые продукты.

Важным направлением развития является также укрепление правовой базы, обеспечивающей защиту авторских прав в условиях технологической трансформации. Это проявляется в усилении институциональных механизмов и развитии государственной политики в сфере регулирования искусственного интеллекта, что в совокупности формирует основу для дальнейшей интеграции ИИ в правовую систему страны.

В проекте конституционной реформы Республики Казахстан 2026 года обсуждается закрепление интеллектуальной собственности на уровне Основного закона как отдельного правового элемента. В действующей Конституции данная категория не выделена отдельно и не имеет самостоятельного конституционного определения, регулирование осуществляется через гражданское законодательство и специальные законы об авторском праве. Предлагаемые изменения направлены на устранение этого пробела и придание интеллектуальной собственности более высокого юридического статуса в системе источников права. В материалах реформы подчеркивается связь интеллектуальной собственности с развитием цифровой экономики, инновационной деятельности и технологических отраслей, где результаты интеллектуального труда приобретают самостоятельную экономическую ценность и становятся объектом активного оборота.

В рамках обсуждаемых изменений фиксируется расширение конституционного подхода к охране результатов творческой деятельности с учетом цифровых технологий. Отдельное внимание уделяется новым формам создания объектов, возникающим в условиях автоматизации и использования алгоритмов искусственного интеллекта. При этом сохраняется базовая правовая конструкция, согласно которой носителем прав признается физическое лицо. Искусственный интеллект не получает статуса субъекта права и рассматривается как средство создания результата, что исключает возможность признания его автором в правовом смысле. Это сохраняет традиционную модель авторского права, основанную на человеческом

творческом вкладе, но одновременно требует уточнения критериев участия человека в процессе генерации цифрового контента.

В проектных документах также прослеживается тенденция к интеграции интеллектуальной собственности в систему конституционных гарантий, связанных с правами человека и развитием цифровой среды. Это отражает изменение роли интеллектуальной собственности, которая рассматривается не только как элемент гражданского оборота, но и как фактор государственной политики в сфере технологий и экономики знаний. В результате усиливается значение правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в условиях роста значения цифровых платформ и автоматизированных систем создания контента.

В правовой системе Республики Казахстан регулирование интеллектуальной собственности осуществляется не на конституционном уровне, а через отраслевые источники права, прежде всего Гражданский кодекс и Закон «Об авторском праве и смежных правах». Конституция не содержит специальных норм, выделяющих интеллектуальную собственность как самостоятельный институт, и не устанавливает отдельного режима для результатов интеллектуальной деятельности. Это формирует модель, при которой базовые гарантии прав человека используются как общая основа, а конкретное регулирование выстраивается на уровне специального законодательства.

В действующем праве авторское право строится на классической конструкции, согласно которой охраняется результат творческой деятельности человека, выраженный в объективной форме. Автором признается только физическое лицо, а наличие творческого вклада является обязательным условием возникновения правовой охраны. Такая модель исключает признание автономных систем в качестве субъектов авторского права и не предусматривает отдельного режима для произведений, созданных без участия человека.

Развитие генеративных технологий искусственного интеллекта привело к усложнению применения данного подхода на практике. Современные системы способны создавать текстовые, визуальные и аудиальные произведения на основе минимальных пользовательских запросов, при этом итоговый результат формируется алгоритмически. Это приводит к смещению акцента с непосредственного создания произведения на анализ степени участия человека в процессе его генерации. В юридической практике ключевым становится вопрос о том, можно ли считать ввод параметров достаточным творческим вкладом.

Международные подходы подтверждают сохранение человеческого критерия авторства. World Intellectual Property Organization в своих аналитических материалах указывает, что существующие нормы авторского права основаны на предпосылке человеческого творчества и требуют переосмысления только в части квалификации вклада человека при использовании ИИ. В аналогичном ключе U.S. Copyright Office последовательно отказывает в охране результатам, созданным

исключительно машинной генерацией без достаточного уровня человеческого контроля.

В казахстанской правовой доктрине отмечается, что отсутствие специальных конституционных норм не является пробелом само по себе, однако в условиях цифровизации усиливается нагрузка на отраслевое законодательство. Основная проблема смещается в сферу квалификации авторства и распределения прав между участниками технологического процесса, включая пользователя системы, разработчика алгоритма и владельца платформы. Это требует выработки более точных критериев определения творческого вклада и юридически значимого участия человека в создании результата.

Конституционные гарантии определяют основы регулирования произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, через закрепление свободы творчества и защиты интеллектуальной собственности. Эти положения формируют правовую базу, на которой строится регулирование результатов, полученных при участии или с помощью алгоритмов.

Свобода творчества означает возможность использования различных технологий при создании результатов интеллектуальной деятельности. В условиях применения искусственного интеллекта творческий процесс включает не только деятельность человека, но и работу алгоритмов, что ставит вопрос о роли человека в создании результата и значении его вклада для признания авторства.

Защита интеллектуальной собственности требует определения субъекта прав на результаты, созданные с участием искусственного интеллекта. Традиционное регулирование основано на том, что автором является человек, поэтому при использовании алгоритмов возникает необходимость установления критериев, позволяющих определить, когда результат относится к охраняемым объектам.

Принцип правовой определённости требует ясного регулирования статуса таких произведений. Отсутствие конкретных норм создаёт неопределённость в вопросах охраны прав, использования результатов и распределения правомочий между участниками процесса создания.

Конституционные гарантии обеспечивают основу для развития законодательства в сфере искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности, определяя направления регулирования и необходимость поддержания баланса между технологическим развитием и правовой защитой.

Конституционные гарантии определяют базовые подходы к регулированию произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, через закрепление свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности. Эти нормы формируют правовую основу, на которой строится дальнейшее регулирование результатов, полученных при участии алгоритмов.

Свобода творчества предполагает возможность использования любых технологий для создания произведений. Применение искусственного интеллекта изменяет структуру творческого процесса, поскольку часть функций по созданию результата выполняется программными системами. Возникает необходимость установления критериев, позволяющих определить вклад человека в создание результата и его значение для признания авторства.

Охрана интеллектуальной собственности требует наличия субъекта права, обладающего авторскими правами на результат. Традиционная модель исходит из того, что автором признается человек. При использовании искусственного интеллекта возникает ситуация, при которой результат может быть создан без прямого творческого участия человека, что требует правового разграничения между полностью автономной генерацией и результатами, созданными с участием человека.

Принцип правовой определенности требует ясного закрепления статуса таких произведений в законодательстве. Отсутствие конкретных норм приводит к неопределенности в вопросах охраны прав, распределения правомочий и квалификации результатов, созданных с использованием алгоритмов.

В международной практике сохраняется подход, при котором авторское право связывается с человеком. Всемирная организация интеллектуальной собственности придерживается позиции, что искусственный интеллект не может быть субъектом авторского права. В США Бюро авторского права отказывает в регистрации произведений, созданных без человеческого творческого вклада. В Европейском союзе регулирование развивается в рамках концепции человеко-ориентированного искусственного интеллекта, закрепленной в подходах к AI Act.

Регулирование произведений, созданных искусственным интеллектом, формируется на пересечении конституционных принципов и отраслевого законодательства. Основное значение имеют критерии участия человека в создании результата и распределение прав на итоговый продукт.

Конституционные гарантии в сфере регулирования ИИ-генерируемых произведений проявляются через нормы о свободе творчества, праве собственности и обязанность государства охранять результаты интеллектуальной деятельности.

В Конституции Республики Казахстан закреплено право на свободу творчества и защиту интеллектуальной собственности. Эти положения выступают базовой основой для регулирования авторского права, однако не содержат прямого ответа на вопрос о правовом статусе результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта. Это приводит к тому, что детализация осуществляется через Гражданский кодекс и специальные нормы об авторском праве.

Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть и раздел об интеллектуальной собственности) исходит из того, что автором признается физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Это положение исключает признание искусственного интеллекта субъектом

авторского права. В результате ключевым критерием становится наличие творческого вклада человека.

В научной литературе по интеллектуальному праву (в том числе в работах Д. Л. Дозорцева и А. П. Сергеева в российской доктрине, используемой в постсоветской правовой традиции) подчеркивается, что авторское право исторически построено на человеческом творчестве и не может автоматически распространяться на результаты технических систем без участия человека. Современные исследования в области digital law также указывают, что ИИ рассматривается как инструмент, аналогичный сложному программному обеспечению, а не как субъект права.

В докладе Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO, 2020–2023 годы по вопросам AI and IP policy) зафиксировано, что международная практика сохраняет подход, при котором охрана предоставляется только при наличии человеческого творческого вклада. WIPO отдельно выделяет проблему «AI-generated outputs without human authorship» как пробел действующего права.

В США Бюро авторского права (U.S. Copyright Office) последовательно отказывает в регистрации произведений, созданных исключительно искусственным интеллектом. В разъяснениях по делу с участием генеративных систем отмечается, что охрана возможна только при доказанном human authorship.

В Европейском союзе регулирование развивается в рамках подхода Human-Centric AI, закрепленного в стратегических документах Европейской комиссии и в проекте AI Act. В научных комментариях европейских исследователей (например, в работах по AI governance и IP law) подчеркивается, что правовая система ЕС сохраняет связь авторства с личностью человека и не допускает автономного права ИИ на результаты генерации.

Основная правовая проблема заключается в квалификации вклада пользователя ИИ. В научных статьях по цифровому авторскому праву выделяются три подхода: признание пользователя автором при наличии творческого контроля, признание результата общественным достоянием при отсутствии человеческого вклада и квалификация результата как производного произведения при значительной пост-обработке.

Конституционные нормы в данном контексте выполняют функцию общей правовой основы, но конкретное регулирование формируется на уровне гражданского законодательства и судебной практики, где ключевым критерием остается человеческое участие в создании результата.

Суды в Казахстане при рассмотрении споров об авторстве опираются на Гражданский кодекс и Закон «Об авторском праве и смежных правах», где ключевым доказательством является факт создания произведения конкретным лицом и возможность подтверждения авторства через исходные материалы, черновики и технические файлы. В практике ЕАЭС и постсоветских стран используется подход, при котором программный код, дизайн и цифровые материалы рассматриваются как самостоятельные

объекты охраны при условии их фиксации в объективной форме, независимо от способа создания. В делах, связанных с нарушением прав на цифровой контент, суды чаще всего применяют критерий «оригинальности выражения», а не новизны идеи. Это означает, что защите подлежит форма выражения результата, а не сама идея или алгоритм. В международной практике Бернской конвенции закреплён принцип автоматической охраны произведений без регистрации, что влияет на национальные системы, включая Казахстан, где регистрация носит факультативный характер и используется преимущественно для доказательственных целей.

В странах ЕС при рассмотрении цифровых объектов применяется подход, при котором оценка правовой охраны зависит от наличия творческого вклада человека и уровня самостоятельности технологической системы, что отражено в судебной практике по делам о компьютерных программах и базах данных. В научных исследованиях по digital law отмечается смещение регулирования от статуса автора к анализу процесса создания результата и распределению прав на этапах производства контента, включая генерацию, обработку и публикацию.

Министерство юстиции Республики Казахстан осуществляет разработку и сопровождение законодательства в сфере интеллектуальной собственности, включая изменения в Гражданский кодекс и Закон «Об авторском праве и смежных правах», а также регистрацию объектов авторского права и смежных прав через подведомственные структуры.

Национальный институт интеллектуальной собственности (Qazpatent) ведет государственную регистрацию прав на произведения, изобретения и товарные знаки, а также проводит экспертизу заявок и формирует практику по защите прав в цифровой среде.

Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан разрабатывает государственную политику в сфере искусственного интеллекта, включая концепции цифровой трансформации и регулирования новых технологий.

Судебные органы Республики Казахстан рассматривают споры о нарушении авторских прав, определяют факт авторства и применяют нормы Гражданского кодекса и специального законодательства, формируя правоприменительную практику.

В Европейском союзе Европейская комиссия разрабатывает нормативную базу в сфере ИИ, включая AI Act, где устанавливаются требования к прозрачности, ответственности и использованию данных в генеративных системах.

В США функции регулирования распределены между U.S. Copyright Office, который определяет критерии охраноспособности произведений, и федеральными судами, формирующими прецедентную практику по вопросам ИИ-контента.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) выполняет координационную функцию, разрабатывает международные

рекомендации и проводит исследования по влиянию ИИ на систему авторского права и патентного регулирования.

В научной литературе по governance of AI отмечается, что государственные органы переходят от реактивного регулирования к проактивной модели, где создаются отдельные стратегии управления ИИ и цифровыми правами.

В исследованиях OECD AI Policy Observatory фиксируется, что государственное регулирование ИИ включает три уровня: стратегический (политика), нормативный (законы) и институциональный (органы и регуляторы).

В Казахстане важную роль в сфере регулирования ИИ и авторского права играет не только разработка законов, но и подзаконное регулирование. Правительство утверждает концепции цифрового развития, включая Концепцию развития искусственного интеллекта, где определяются направления внедрения ИИ в экономику и требования к управлению данными. В сфере данных ключевое значение имеет регулирование персональных и больших данных, поскольку обучение ИИ-моделей связано с обработкой массивов информации. Контроль за этим направлением осуществляется через законодательство о защите данных и кибербезопасности.

Отдельную роль выполняет антимонопольное регулирование, так как крупные цифровые платформы и генеративные модели могут создавать концентрацию рынка. Агентство по защите и развитию конкуренции анализирует цифровые платформы и практики использования данных. Вопросы ответственности за контент, созданный ИИ, регулируются через нормы гражданской и административной ответственности. В отсутствие прямого авторства применяется подход, при котором ответственность несет пользователь или владелец системы.

В международной практике активно развивается модель risk-based regulation, где регулирование зависит от уровня риска технологии. Этот подход закреплен в европейском AI Act и предполагает разные требования к системам ИИ в зависимости от их потенциального влияния на права человека. В научных исследованиях по AI governance (например, работах Floridi и Cowls) выделяется концепция multi-level governance, при которой регулирование ИИ осуществляется одновременно на государственном, наднациональном и корпоративном уровнях. Также в докладах World Economic Forum отмечается рост роли soft law механизмов — рекомендаций, кодексов поведения и стандартов ISO, которые дополняют государственное регулирование в сфере ИИ и цифровых прав.

В развитых юрисдикциях усиливается роль регуляторов цифровых рынков, которые контролируют использование алгоритмов в контентных платформах и их влияние на распространение цифровых произведений.

Суды в сфере авторского права и цифровых технологий все чаще применяют доктрину «существенного заимствования» (substantial similarity), которая используется для определения нарушения прав при переработке

цифрового контента и генерации похожих произведений. В ряде юрисдикций применяется принцип intermediary liability, согласно которому платформы и сервисы могут нести ограниченную ответственность за контент пользователей при отсутствии активного участия в его создании, что закреплено в Digital Services Act Европейского союза.

В США действует режим DMCA safe harbor, который освобождает онлайн-платформы от ответственности при условии оперативного удаления спорного контента после уведомления правообладателя. В регулировании ИИ активно используется подход algorithmic accountability, предполагающий обязанность разработчиков раскрывать принципы работы моделей, источники данных и ограничения системы.

В международных стандартах ISO/IEC разрабатываются нормы по управлению ИИ-системами (например, ISO/IEC 42001), которые устанавливают требования к управлению рисками, прозрачности и аудиту алгоритмов. В докладах UNESCO по этике искусственного интеллекта (2021) закреплен принцип human oversight, согласно которому ключевые решения, затрагивающие права человека, должны оставаться под контролем человека.

В научных исследованиях Kate Crawford и Luciano Floridi подчеркивается, что регулирование ИИ смещается от защиты авторских прав к контролю инфраструктуры данных и вычислительных ресурсов.

В практике Китая регулирование ИИ-контента осуществляется через обязательную маркировку сгенерированного контента и контроль платформ за распространением алгоритмически созданных материалов.

В странах ОЭСР развивается модель co-regulation, при которой государство устанавливает базовые правила, а технологические компании самостоятельно внедряют механизмы соответствия через внутренние стандарты и аудит систем.

2.1 Полномочия и функции нового Министерства искусственного интеллекта Республики Казахстан

Полномочия Министерства искусственного интеллекта Республики Казахстан связаны с формированием государственной политики в сфере разработки, внедрения и регулирования технологий искусственного интеллекта, включая создание нормативных условий для использования ИИ в экономике и государственном управлении. К основным функциям относятся разработка стратегических документов по развитию искусственного интеллекта, координация государственных программ цифровой трансформации, а также формирование требований к безопасному использованию ИИ-систем в различных секторах экономики. Министерство также осуществляет межведомственную координацию проектов, связанных с применением искусственного интеллекта, включая цифровизацию государственных услуг, развитие дата-центров и внедрение алгоритмических решений в государственные процессы.

В части регулирования данных и алгоритмов Министерство взаимодействует с уполномоченными органами по защите персональных данных, обеспечивая соблюдение требований информационной безопасности и правового режима данных, используемых для обучения моделей ИИ. Взаимодействие с Министерством юстиции осуществляется при разработке нормативных правовых актов, касающихся правового статуса результатов, созданных с использованием ИИ, а также при внесении изменений в гражданское законодательство и акты об интеллектуальной собственности.

С органами по защите интеллектуальной собственности (включая Qazpatent) взаимодействие выражается в согласовании вопросов регистрации прав на цифровые объекты, анализа правового статуса ИИ-генерируемого контента и выработке подходов к охране результатов цифрового творчества.

В судебной системе взаимодействие носит опосредованный характер и реализуется через применение нормативных разъяснений, технических заключений и экспертных оценок при рассмотрении споров, связанных с использованием ИИ и цифрового контента.

В международной практике аналогичные министерства (например, в странах ЕС и ОЭСР) выполняют координационную функцию между цифровыми регуляторами, ведомствами юстиции и органами интеллектуальной собственности, обеспечивая единый подход к регулированию ИИ.

В научных исследованиях по AI governance отмечается, что эффективность регулирования ИИ зависит от уровня межведомственной координации, особенно между цифровыми министерствами, юстиционными органами и патентными ведомствами, поскольку ИИ затрагивает одновременно технологическую, правовую и экономическую сферы.

Министерства цифрового развития и специализированные ИИ-ведомства в разных странах обычно выполняют роль “policy hub”, концентрируя стратегическое регулирование технологий, тогда как правоприменение остается распределённым между юстиционными и отраслевыми органами.

В моделях ОЭСР выделяется принцип “whole-of-government approach”, при котором регулирование искусственного интеллекта строится через координацию нескольких министерств, а не через единый регулятор. Это используется для согласования технологической, правовой и экономической политики.

В отчётах OECD AI Policy Observatory отмечается, что страны с отдельными цифровыми или ИИ-министерствами быстрее формируют национальные стратегии ИИ, но сталкиваются с проблемой дублирования функций с органами юстиции и регуляторами данных. В исследованиях European Commission по AI governance указывается, что эффективная модель регулирования включает три уровня: стратегический (министерства цифрового развития), нормативный (министерство юстиции и парламент) и контрольный (регуляторы данных и конкуренции).

В докладе World Bank “GovTech and AI Governance” подчеркивается, что страны с централизованными цифровыми ведомствами достигают более высокой скорости внедрения ИИ в госуслуги, но требуют сильного межведомственного контроля для предотвращения правовых конфликтов.

В научных работах Helen Margetts (University of Oxford) отмечается, что государственные структуры в сфере ИИ переходят к модели “networked governance”, где министерства действуют как узлы сети, а не как изолированные регуляторы.\

В исследовании Luciano Floridi и Josh Cowls подчеркивается необходимость института “AI coordination authority”, который обеспечивает согласование политики между министерствами цифровизации, юстиции и отраслевыми регуляторами.

В практике Сингапура (Smart Nation and Digital Government Group) функции ИИ-координации объединены в специализированный орган, который взаимодействует с министерством юстиции по вопросам данных, интеллектуальной собственности и цифровых прав.

В странах ЕС AI Office, создаваемый в рамках AI Act, выполняет функцию наднационального координатора между регуляторами данных, цифровыми службами и органами защиты прав, что аналогично модели межведомственного взаимодействия.

В научных публикациях по digital governance отмечается, что ключевой проблемой является пересечение компетенций между ведомствами цифрового развития и органами интеллектуальной собственности, особенно в вопросах статуса ИИ-генерируемого контента и распределения прав.

В модели государственного управления ИИ отдельное министерство обычно выполняет функции стратегического управления цифровыми технологиями: формирование государственной политики в области искусственного интеллекта, разработка национальных программ цифровизации и установление требований к внедрению ИИ в государственном и частном секторах.

Ключевая функция такого органа — координация инфраструктуры данных, включая государственные базы данных, платформы обмена данными и стандарты их использования для обучения ИИ-моделей. Это позволяет централизовать технические и регуляторные требования к цифровым системам. Взаимодействие с Министерством юстиции выражается в согласовании нормативных правовых актов, связанных с правовым режимом данных, алгоритмов и результатов работы ИИ. Юстиционный блок обеспечивает правовую экспертизу проектов актов, в том числе по вопросам гражданско-правовой ответственности за действия ИИ-систем.

В сфере интеллектуальной собственности взаимодействие с органами ИС (включая патентные ведомства) связано с определением правового статуса результатов, созданных с применением ИИ, и выработкой критериев охраноспособности цифрового контента. В международной практике аналогичные задачи решаются через совместные рабочие группы цифровых и IP-ведомств.

В докладах WIPO отмечается, что одной из ключевых задач цифровых министерств является разграничение функций между техническим регулированием ИИ и правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности, чтобы избежать пересечения компетенций. В исследованиях OECD выделяется модель “inter-ministerial coordination”, при которой цифровое министерство не заменяет юстицию и IP-органы, а выполняет роль координационного центра по вопросам внедрения ИИ в экономику и государственные сервисы. В международной практике (ЕС, Сингапур, Южная Корея) наблюдается разделение: цифровое ведомство отвечает за развитие ИИ и инфраструктуру данных, министерство юстиции — за правовые рамки, а органы интеллектуальной собственности — за охрану результатов и регистрацию прав.

Научные исследования по AI governance подчеркивают, что эффективность таких министерств зависит от степени институциональной координации с юстицией и IP-органами, особенно в вопросах регулирования генеративных моделей и распределения прав на их результаты.

Формирование государственной политики в сфере искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности осуществляется через сочетание стратегического планирования, нормативного регулирования и институционального взаимодействия.

В Республике Казахстан государственная политика в сфере ИИ закрепляется в стратегических документах цифрового развития, включая концепции цифровой трансформации и отдельные программы по внедрению искусственного интеллекта в экономику и государственное управление. Эти документы определяют приоритетные направления развития ИИ, включая развитие инфраструктуры данных, поддержку научных исследований и внедрение алгоритмических решений в государственные сервисы.

Политика в сфере интеллектуальной собственности формируется на основе Гражданского кодекса и специального законодательства, которое устанавливает правовой режим охраны результатов творческой деятельности, порядок их использования и защиты. В этих нормах закрепляется модель исключительных прав, применяемая к объектам авторского права, патентного права и смежных прав.

Международные стандарты, закрепленные в документах Всемирной организации интеллектуальной собственности, определяют необходимость адаптации национальных систем к цифровой среде, включая развитие регулирования цифрового контента и технологий искусственного интеллекта. WIPO подчеркивает необходимость баланса между стимулированием инноваций и защитой прав правообладателей.

В странах ОЭСР формирование политики в сфере ИИ осуществляется на основе принципов “AI policy framework”, включающих прозрачность, безопасность, подотчетность и защиту прав человека. Эти принципы интегрируются в национальные стратегии цифрового развития и влияют на реформирование законодательства об интеллектуальной собственности.

В Европейском союзе формирование политики осуществляется через сочетание стратегий цифрового рынка и нормативных актов, включая AI Act и директивы об авторском праве в цифровой среде. Эти документы направлены на регулирование генеративных технологий и защиту прав на цифровой контент.

В научных исследованиях по AI governance отмечается, что государственная политика в сфере ИИ и интеллектуальной собственности формируется как междисциплинарная система, объединяющая правовые, экономические и технологические инструменты регулирования. Особое внимание уделяется вопросам распределения прав на результаты, созданные с использованием алгоритмов, и определению роли человека в процессе генерации контента.

В докладах World Bank и OECD подчеркивается, что эффективная государственная политика в данной сфере требует интеграции цифровых стратегий с системой интеллектуальной собственности, поскольку ИИ влияет как на производство новых знаний, так и на механизмы их правовой охраны.

Концепция государственной политики Казахстана в сфере искусственного интеллекта формируется через официальные стратегические документы цифрового развития, включая государственные программы «Цифровой Казахстан» и последующие инициативы по развитию ИИ. В этих документах закрепляется переход к экономике данных, автоматизации государственных процессов и внедрению алгоритмических систем в ключевые отрасли.

В 2024–2025 годах на уровне правительства и Администрации Президента озвучивались решения о создании отдельного государственного органа, отвечающего за искусственный интеллект и цифровое развитие. Это отражает переход к институционализации ИИ как отдельного направления государственной политики. В официальных заявлениях руководства страны подчеркивается, что искусственный интеллект рассматривается как один из ключевых факторов экономического роста, повышения эффективности государственного управления и развития цифровой экономики. В рамках этих подходов ставится задача внедрения ИИ в государственные услуги и промышленность.

Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности продолжает выполнять функции координации цифровой политики, включая развитие инфраструктуры данных, электронного правительства и национальных цифровых платформ, которые являются основой для внедрения ИИ-систем. В рамках государственной политики особое внимание уделяется развитию законодательства в сфере данных, включая регулирование персональных данных, кибербезопасности и использования больших данных для обучения алгоритмов искусственного интеллекта.

В сфере интеллектуальной собственности государственная политика направлена на адаптацию правовой системы к цифровой среде, включая

обсуждение вопросов правового статуса результатов, созданных с использованием генеративных моделей и алгоритмов.

На уровне правоприменения формируется практика, при которой государственные органы и суды ориентируются на существующие нормы гражданского законодательства, адаптируя их к новым технологическим условиям без создания полностью отдельного режима регулирования для ИИ.

В экспертных и государственных обсуждениях отмечается необходимость развития единой системы регулирования ИИ, которая объединяет цифровую политику, правовое регулирование данных и систему интеллектуальной собственности в рамках одной государственной стратегии.

Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан было создано указом Президента в сентябре 2025 года в результате реорганизации Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности.

Новое ведомство получило статус центрального исполнительного органа и отвечает за реализацию государственной политики в сфере искусственного интеллекта и цифровой трансформации экономики.

Министерство возглавляет должностное лицо в статусе заместителя Премьер-министра, что подчёркивает его высокий уровень в системе государственного управления.

Ключевая задача министерства — системное внедрение технологий ИИ во все отрасли экономики, включая государственные услуги, промышленность, образование и социальную сферу.

В рамках новой структуры предусмотрено формирование национальной инфраструктуры искусственного интеллекта, включая развитие вычислительных мощностей, дата-центров и государственных цифровых платформ.

Министерство также координирует переход от отдельных цифровых проектов к единой государственной системе внедрения ИИ, что закреплено как стратегический приоритет цифровой политики Казахстана. В рамках реформы произошло перераспределение функций: часть инновационных полномочий передана другим государственным органам, а само министерство сосредоточено на ИИ и цифровом управлении.

Государственная политика, реализуемая через министерство, направлена на ускорение цифровизации и превращение Казахстана в цифровую экономику с высоким уровнем автоматизации государственных процессов.

В 2025 году в Казахстане был принят отдельный закон «Об искусственном интеллекте», который закрепил правовую основу развития ИИ, включая риск-ориентированный подход, маркировку синтетического контента и требования к безопасности алгоритмов.

Закон также вводит институциональную систему регулирования ИИ, включая национальную платформу искусственного интеллекта и обязательства для государственных и частных операторов ИИ-систем. Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития создано в

сентябре 2025 года как центральный исполнительный орган, отвечающий за цифровую трансформацию и внедрение ИИ в экономику и государственное управление.

Президент Казахстана в Послании 2025 года обозначил создание министерства как ключевой элемент стратегии «полностью цифрового государства», где ИИ должен быть внедрён во все сектора экономики и госуправления.

Министерство отвечает за развитие национальной цифровой инфраструктуры, включая суперкомпьютерные мощности и государственные платформы обработки данных для обучения ИИ-моделей.

В рамках государственной политики закрепляется создание единой экосистемы искусственного интеллекта, включая интеграцию ИИ в электронное правительство и государственные услуги. В законодательстве предусмотрено обязательное маркирование контента, созданного ИИ (deepfake, синтетический текст, изображения и видео), что усиливает регулирование цифровой среды.

Министерство также выполняет координационную функцию в сфере данных, включая управление национальными дата-ресурсами, которые используются для обучения моделей искусственного интеллект.

2.2 Действующее законодательство Республики Казахстан в контексте ИИ

Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» в контексте искусственного интеллекта применяется как базовый акт, регулирующий охрану результатов интеллектуальной деятельности, созданных человеком. Его конструкция основана на традиционной модели авторства, где субъектом права признаётся физическое лицо. Ключевым элементом закона является требование творческого характера произведения и его выражения в объективной форме. Это положение становится центральным при рассмотрении ИИ-контента, поскольку автоматические результаты генеративных систем не всегда содержат человеческий творческий вклад в классическом понимании.

Авторское право в Казахстане возникает автоматически с момента создания произведения. Однако закон связывает возникновение права с деятельностью автора, что создаёт правовую неопределённость в отношении произведений, созданных полностью или частично алгоритмами искусственного интеллекта.

Имущественные права автора включают использование произведения в любой форме и способе. В контексте ИИ это вызывает вопросы о том, кто считается правообладателем: разработчик модели, пользователь системы или лицо, внесшее творческий вклад в результат.

Личные неимущественные права (право авторства, имя, неприкосновенность произведения) по своей природе не могут быть

применены к ИИ как субъекту, что подтверждает ориентацию законодательства исключительно на человеческое творчество.

Смежные права, закреплённые в законе, также не охватывают результаты генеративных систем, поскольку они распространяются только на исполнителей, производителей фонограмм и организации вещания.

В судебной практике Казахстана при отсутствии специальных норм об ИИ применяется аналогия с существующими категориями авторского права, где ключевым критерием остаётся доказуемость творческого участия человека в создании результата.

Проблема правовой квалификации ИИ-генерируемого контента связана с отсутствием в законе понятий «искусственный интеллект», «алгоритмическое произведение» и «машинное авторство», что создаёт пробелы в регулировании.

В международной практике аналогичные нормы также ориентированы на человеческое авторство, однако отдельные юрисдикции начинают вводить подходы к регулированию ИИ через смежные институты (например, базы данных, инвестиционную охрану или права на обработку данных).

Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» сохраняет классическую модель охраны творчества, однако в условиях развития ИИ требует доктринального и нормативного расширения, особенно в части определения правового статуса результатов, созданных с участием алгоритмов.

В контексте искусственного интеллекта Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» демонстрирует ряд системных ограничений, связанных с отсутствием прямого регулирования алгоритмически созданных результатов.

Закон не содержит определения искусственного интеллекта, автоматической генерации контента или машинного авторства, что означает, что правовой режим таких результатов определяется через общие нормы об авторском праве и судебное толкование. Ключевым правовым критерием остаётся наличие творческого вклада человека. Это означает, что произведение признаётся охраняемым только при условии, что оно создано физическим лицом, даже если при этом использовались цифровые инструменты или ИИ-системы.

В результате возникает проблема квалификации так называемого «гибридного творчества», когда результат создаётся при участии человека и алгоритма. В таких случаях в правоприменительной практике оценивается степень влияния человека на итоговый результат. Имущественные права по закону предполагают возможность передачи и лицензирования произведений. В контексте ИИ это вызывает дискуссию о том, может ли пользователь системы считаться правообладателем результата, если его вклад ограничивается формулированием запроса.

Судебная защита авторских прав в Казахстане строится на принципе доказуемости авторства, что в цифровой среде требует использования технических доказательств: исходных файлов, истории создания, метаданных

и иных цифровых следов. Смежные права не распространяются на результаты ИИ, поскольку они защищают только заранее определённые категории субъектов, связанных с исполнением и фиксацией произведений, а не с их генерацией.

Международные подходы показывают аналогичную тенденцию: большинство стран сохраняет модель human authorship, при которой автором может быть только человек, а ИИ рассматривается как инструмент, а не субъект права. В докладах WIPO отмечается, что отсутствие специальных норм об ИИ в авторском праве приводит к необходимости разработки новых правовых категорий, таких как “AI-assisted works” и “machine-generated content”, однако они пока не закреплены в казахстанском законодательстве.

Действующий закон сохраняет классическую структуру авторского права, но в условиях развития ИИ формирует правовые пробелы, требующие дальнейшей адаптации через законодательные изменения и судебную практику.

В контексте ИИ Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» также сталкивается с проблемой разграничения источника творчества и технического инструмента. Закон исходит из того, что результат охраняется только при наличии творческой деятельности человека, что не учитывает автономность современных генеративных моделей.

Отдельное значение имеет вопрос определения момента создания произведения. В цифровой среде фиксация результата может происходить автоматически, что усложняет применение традиционного критерия «объективной формы», используемого в законе.

Проблемой является и отсутствие правового режима для обучающих данных, используемых ИИ. Закон не регулирует использование охраняемых произведений для машинного обучения, что создаёт пробел между авторским правом и технологиями обработки больших данных.

В доктринальных подходах выделяется концепция “input–output model”, где входные данные (произведения) и выходные результаты (сгенерированный контент) требуют разного правового регулирования, однако в казахстанском законодательстве такое разделение отсутствует.

Существенным вопросом является распределение ответственности за нарушение авторских прав при использовании ИИ. Закон не содержит специальных норм о действиях алгоритмов, поэтому ответственность возлагается на физических или юридических лиц, использующих систему. В судебной практике возникает необходимость оценки уровня творческого контроля пользователя над ИИ-системой, что влияет на признание авторства и правового статуса результата.

Смежные права и институты коллективного управления также не адаптированы к цифровым моделям генерации контента, поскольку ориентированы на традиционные формы использования произведений. Международные исследования WIPO и OECD отмечают, что существующие законы об авторском праве в большинстве стран, включая Казахстан,

остаются технологически нейтральными, но фактически не приспособлены к генеративным моделям ИИ.

В научной литературе (например, Guadamuz, Ginsburg) подчеркивается, что основная коллизия заключается в невозможности признания ИИ субъектом права при одновременном росте его роли в создании контента. В результате Закон РК выполняет базовую функцию охраны человеческого творчества, но не формирует специального правового режима для искусственного интеллекта, что делает его применение в этой сфере преимущественно интерпретационным.

Проблемы применения Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» к произведениям, созданным с использованием искусственного интеллекта, связаны прежде всего с тем, что действующая модель права ориентирована на классическое человеческое авторство. Основная проблема заключается в отсутствии в законе понятий, связанных с искусственным интеллектом и генеративными системами. Это приводит к тому, что ИИ-генерируемые результаты формально не выделены в отдельную категорию объектов авторского права. Сложность вызывает определение автора. Закон исходит из того, что автором является физическое лицо, создавшее произведение творческим трудом. При использовании ИИ не всегда возможно установить, кто внес решающий творческий вклад — пользователь, разработчик системы или сама модель как инструмент. Возникает проблема квалификации степени творческого участия человека. В практике обсуждается критерий «существенного вклада», однако он не закреплён нормативно, что делает правоприменение неоднородным. Отдельной проблемой является правовой статус промпта (запроса к ИИ). В некоторых случаях он может содержать творческий элемент, но закон не определяет, достаточно ли этого для признания авторства. Также отсутствует регулирование использования произведений для обучения ИИ. Это создаёт конфликт между авторским правом и практикой машинного обучения, где используются большие массивы защищённых данных без прямого согласия правообладателей.

Проблемой является и фиксация момента создания произведения. ИИ может генерировать множество вариантов результата за секунды, что усложняет определение «оригинального» произведения и его юридической фиксации. Вопрос защиты прав также осложняется тем, что доказательство авторства требует подтверждения творческого процесса, а в случае ИИ-генерации этот процесс часто непрозрачен или автоматизирован. Судебная практика в Казахстане по таким делам пока ограничена, поэтому применяются общие нормы гражданского права и аналогия закона, что снижает предсказуемость решений.

Международные исследования (WIPO, OECD) указывают, что аналогичные проблемы существуют в большинстве стран: ключевым остается разрыв между технологической способностью ИИ создавать контент и правовой моделью, основанной на человеческом творчестве. В научной литературе подчеркивается, что основной конфликт заключается в

невозможности одновременно признать ИИ инструментом и источником творческого результата в рамках существующего авторского права. В результате применение закона к ИИ-контенту в Казахстане носит интерпретационный характер и требует дальнейшего нормативного уточнения, особенно в части определения авторства, прав на результат и режима обучающих данных.

Дополнительно к уже перечисленным проблемам в применении Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» к ИИ-контенту можно выделить ещё несколько практических и правовых аспектов. Отсутствует единый подход к определению оригинальности результата, созданного с участием ИИ. В классическом авторском праве оригинальность связывается с творческим трудом человека, однако в генеративных системах результат может формироваться на основе вероятностных моделей без прямого творческого выбора в традиционном смысле.

Возникает проблема правовой неопределенности при использовании коммерческих ИИ-платформ. Пользовательские соглашения таких сервисов часто закрепляют передачу или ограничение прав на созданный контент, но эти положения не всегда соотносятся с национальным авторским правом. Сложность вызывает вопрос о правовом статусе обучающих данных. ИИ-системы обучаются на больших массивах текстов, изображений и аудио, часть которых может быть защищена авторским правом, при этом закон не содержит прямого регулирования такого использования.

Отдельной проблемой является идентификация нарушений авторских прав в условиях ИИ-генерации. Алгоритмы могут создавать контент, схожий с существующими произведениями, но установить факт копирования или независимого создания бывает затруднительно. Также отмечается проблема трансграничного характера ИИ-контента. Генерация и использование произведений часто происходит через зарубежные платформы, что осложняет определение применимого права и юрисдикции. В научной литературе выделяется проблема “opacity” (непрозрачности) алгоритмов, когда невозможно точно установить, какие именно данные повлияли на результат генерации, что затрудняет правовую оценку.

С точки зрения правоприменения отсутствуют специализированные методики судебной экспертизы для оценки ИИ-генерируемых произведений, что снижает единообразие судебных решений.

В международной практике обсуждается введение специальных режимов для ИИ-контента (например, sui generis protection или ограниченная охрана инвестиций), однако в Казахстане такие подходы пока не закреплены. Также подчеркивается, что действующее законодательство не регулирует распределение прав между разработчиками ИИ, владельцами платформ и пользователями, что создает потенциальные конфликты интересов.

В результате основная проблема заключается не только в отсутствии прямых норм, но и в том, что традиционная конструкция авторского права плохо адаптируется к многоуровневому процессу создания цифрового контента с участием алгоритмов.

Дополнительно можно выделить ещё несколько аспектов, которые усиливают проблемы применения закона к ИИ-контенту в Казахстане. Возникает вопрос о правовом статусе “AI-assisted works”, когда произведение создаётся при совместном участии человека и алгоритма. Закон не определяет границу между технической обработкой и творческим вкладом, что приводит к разным подходам в практике. Проблемой является отсутствие критериев доказательства авторства в условиях генеративного процесса. Традиционные доказательства (черновики, эскизы, исходные файлы) не всегда отражают реальный процесс взаимодействия пользователя с ИИ. Сложность вызывает ситуация с повторяемостью результатов. Генеративные модели могут создавать схожие или идентичные изображения и тексты для разных пользователей, что ставит под сомнение уникальность результата как объекта авторского права.

Отдельно обсуждается вопрос прав на переработанные произведения. Если ИИ изменяет или комбинирует существующие материалы, неясно, возникает ли новое произведение или производное использование уже охраняемых объектов. Также существует проблема правовой квалификации “prompt engineering”. Формулировка запроса может содержать творческий элемент, но закон не признаёт такие действия самостоятельным объектом авторского права. Важным ограничением является отсутствие специальных норм об ответственности разработчиков ИИ-систем за генерируемый контент. Закон не разделяет ответственность между пользователем, платформой и разработчиком алгоритма. В международной практике отмечается тенденция к введению обязательной маркировки ИИ-контента, однако в национальном праве Казахстана такие требования находятся на стадии развития и не полностью институционализированы. Судебная экспертиза в данной сфере также остаётся неразвитой: отсутствуют стандартизированные методики анализа ИИ-генерации, что затрудняет установление факта нарушения авторских прав.

В научных исследованиях подчеркивается проблема “attribution gap” — разрыва между фактическим процессом создания контента и юридическим определением автора, что особенно проявляется в генеративных системах. В результате правовое регулирование остаётся фрагментарным: закон продолжает опираться на традиционную модель авторства, тогда как практика создания контента с использованием ИИ формирует принципиально новые юридические вопросы, не охваченные действующим регулированием.

2.3 Правовой режим ИИ-генерируемых произведений в Казахстане

Правовой режим ИИ-генерируемых произведений в Республике Казахстан находится на стадии формирования и напрямую не закреплён в действующем законодательстве об авторском праве. Основная проблема связана с отсутствием нормативного определения автора в условиях использования генеративных моделей искусственного интеллекта.

Первая возможная модель закрепления прав предполагает признание пользователя ИИ правообладателем результата. Такой подход основан на идее, что пользователь формирует запрос, определяет параметры генерации и тем самым вносит творческий вклад. В этой модели ИИ рассматривается как инструмент, аналогичный графическому редактору или программному обеспечению.

Вторая модель связывает права с разработчиком ИИ-системы. В этом случае результат рассматривается как производный от программного продукта, а исключительные права могут закрепляться за лицом, создавшим алгоритм или обучившим модель. Такой подход используется в отдельных корпоративных практиках, но вызывает споры из-за отсутствия прямого творческого участия разработчика в конкретном результате.

Третья модель предполагает закрепление прав за оператором или владельцем платформы ИИ. В этой конструкции платформа рассматривается как субъект, обеспечивающий функционирование системы и коммерческое использование результатов. Такой подход часто применяется в пользовательских соглашениях коммерческих ИИ-сервисов, где права на контент переходят к оператору или лицензируются ему.

В научной доктрине выделяется комбинированная модель, при которой права распределяются в зависимости от степени творческого вклада каждого участника: пользователь отвечает за постановку задачи, разработчик — за алгоритм, оператор — за инфраструктуру. Однако в казахстанском праве такая модель не закреплена.

Действующее законодательство Республики Казахстан об авторском праве исходит из принципа человеческого авторства, что делает невозможным прямое признание ИИ субъектом права. Это приводит к необходимости адаптации существующих норм через расширительное толкование. В международной практике преобладает модель признания пользователя автором результата при условии наличия творческого контроля над процессом генерации. Такой подход отражён в ряде разъяснений WIPO и национальных подходах отдельных юрисдикций.

Отдельной проблемой является отсутствие регулирования договорного распределения прав между пользователем и платформой. В большинстве случаев права определяются условиями использования сервиса, а не законом, что создаёт правовую неопределённость. В научных исследованиях по AI governance отмечается, что выбор модели распределения прав влияет на развитие инноваций: закрепление прав за пользователем стимулирует использование ИИ, тогда как передача прав разработчику усиливает коммерциализацию технологий. В Казахстане отсутствует закреплённая модель авторства для ИИ-генерируемых произведений, а возможные подходы остаются на уровне доктрины и сравнительно-правового анализа, что требует дальнейшего нормативного урегулирования.

Дополнительно в рамках правового режима ИИ-генерируемых произведений рассматривается вопрос экономической природы прав на результат. В отличие от традиционного авторского права, где источник

ценности связан с творческим трудом, в ИИ-контенте значительную роль играет технологическая и вычислительная инфраструктура.

Существенной проблемой является неопределённость правового статуса промежуточных результатов генерации. ИИ может создавать множество версий, эскизов и вариаций, которые не всегда достигают уровня завершённого произведения, но при этом могут иметь самостоятельную ценность.

Также возникает вопрос о допустимости правовой охраны результатов, созданных без прямого человеческого вмешательства. В действующей модели права охрана предоставляется только при наличии субъекта-автора, что исключает автономные результаты систем.

Отдельного внимания требует проблема использования одного и того же ИИ разными пользователями. При идентичных или схожих запросах система может выдавать близкие результаты, что ставит под сомнение критерий индивидуальности произведения. В договорной практике ИИ-сервисов закрепляется широкий диапазон условий: от полной передачи прав пользователю до сохранения всех прав за разработчиком или оператором платформы. Это создаёт правовую неоднородность и зависимость правового режима от частных условий. Также обсуждается вопрос возможного введения специального правового режима для ИИ-контента, который не будет полностью подпадать под классическое авторское право, но обеспечит ограниченную охрану результатов, созданных с использованием алгоритмов.

Проблемным остаётся и вопрос контроля за использованием ИИ в творческой сфере. Отсутствие прозрачных механизмов фиксации процесса генерации усложняет установление авторства и распределение прав. В условиях трансграничного использования ИИ-систем правовой режим становится зависимым от сочетания нескольких юрисдикций, что усиливает неопределённость и усложняет защиту прав.

В итоге формирование правового режима ИИ-генерируемых произведений требует перехода от классической модели индивидуального авторства к более гибкой системе, учитывающей участие технологий, пользователей и операторов платформ.

Возникает проблема разграничения “инструментального” и “креативного” использования ИИ. В одних случаях система выступает как вспомогательный инструмент (редактирование текста, улучшение изображения), в других — как основной генератор результата, что влияет на правовую квалификацию произведения.

Отдельный вопрос связан с уровнем предсказуемости результата. Генеративные модели работают на основе вероятностных алгоритмов, поэтому итоговый продукт не всегда полностью контролируется пользователем, что усложняет признание его автором в традиционном смысле. Существенное значение имеет проблема «массовой генерации контента». ИИ позволяет создавать большое количество схожих произведений за короткое время, что ставит под сомнение экономическую и правовую уникальность каждого результата. Также обсуждается

возможность применения критериев «минимального творческого порога». В этом случае охрана предоставляется только тем результатам, где присутствует заметное творческое вмешательство человека, однако единых стандартов оценки такого порога не существует.

Отдельно выделяется вопрос правового статуса входных данных. Если пользователь предоставляет материалы для генерации (тексты, изображения, стиль), возникает необходимость определения, сохраняются ли за ним права на итоговый результат или происходит их трансформация.

Проблемой остаётся и отсутствие обязательной фиксации процесса генерации. Без журналирования запросов и версий результата сложно установить происхождение произведения и доказать авторство в случае спора.

В отдельных юрисдикциях обсуждается введение обязательной маркировки ИИ-контента как меры правовой прозрачности, однако это пока не является универсальным правилом и не закреплено в единой международной модели. Также поднимается вопрос ответственности за схожесть с уже существующими произведениями. Даже при независимой генерации результат может совпадать с охраняемым объектом, что создаёт риск непреднамеренного нарушения авторских прав.

В целом правовой режим ИИ-генерируемых произведений формируется как гибридная система, находящаяся на пересечении авторского права, договорного регулирования и технологического контроля, где классические категории права применяются с существенными ограничениями.

Отсутствие признания искусственного интеллекта субъектом права является базовой правовой позицией в Республике Казахстан и большинстве зарубежных юрисдикций. В действующем законодательстве субъектами гражданских и авторских прав признаются только физические и юридические лица, обладающие правоспособностью. Искусственный интеллект рассматривается как объект или инструмент, используемый человеком или организацией. Это означает, что он не может обладать авторскими правами, нести юридическую ответственность или выступать участником гражданско-правовых отношений.

Одним из ключевых правовых последствий является невозможность признания ИИ автором произведения. Даже если результат создан полностью автономной системой, право на него не возникает у самой системы, а требует определения человеческого субъекта, связанного с процессом создания.

Вторым последствием является перераспределение ответственности. За действия ИИ отвечают разработчики, владельцы платформ или пользователи, в зависимости от того, кто контролировал процесс его использования. Это приводит к необходимости установления фактического “контролирующего лица” в каждом конкретном случае.

Возникает проблема квалификации вреда, причинённого ИИ-системами. Поскольку ИИ не является субъектом права, он не может быть

носителем деликтной ответственности, а все последствия возлагаются на людей или организации, участвующие в его создании и эксплуатации.

Отсутствие правосубъектности также влияет на вопрос владения результатами генерации. ИИ не может быть правообладателем, поэтому все права должны быть закреплены за внешними субъектами через закон или договор.

В международной практике аналогичный подход закреплён в большинстве правовых систем. Европейский парламент прямо указывает, что автономные системы не могут обладать юридической личностью, а ответственность должна оставаться за человеком. В научной доктрине подчёркивается, что признание ИИ субъектом права могло бы радикально изменить структуру гражданского права, однако на текущем этапе это считается необоснованным из-за отсутствия у ИИ сознания, воли и самостоятельной правосубъектности.

В правоприменении это создаёт так называемый “ответственный вакуум”, когда действия сложных алгоритмов невозможно напрямую приписать одному субъекту, что требует разработки новых критериев распределения ответственности. Также возникает проблема страхования и компенсации ущерба. Поскольку ИИ не может быть субъектом ответственности, обсуждаются модели обязательного страхования ответственности разработчиков и операторов систем.

Отсутствие признания ИИ субъектом права сохраняет традиционную структуру правовой системы, но одновременно создаёт необходимость перераспределения ответственности и адаптации институтов гражданского и авторского права к новым технологическим условиям.

Отсутствие у искусственного интеллекта правосубъектности напрямую влияет на определение принадлежности исключительных прав на результаты, созданные с его использованием. В условиях казахстанского законодательства ключевым становится установление того, кто внес творческий вклад в создание произведения. Если пользователь самостоятельно формирует концепцию, подбирает исходные параметры, корректирует промежуточные результаты и осуществляет окончательный отбор, именно его деятельность может рассматриваться как творческая. В этом случае правовая охрана возникает у человека, а искусственный интеллект выполняет функцию технического инструмента, аналогично программному обеспечению или иному цифровому средству.

Сложности возникают при высокой степени автономности генеративных систем. Чем меньше участие человека в формировании конечного результата, тем труднее обосновать наличие творческого вклада, необходимого для возникновения авторского права. Простое введение текстового запроса не всегда свидетельствует о создании произведения в юридическом смысле. На практике это может привести к отказу в предоставлении правовой охраны либо к возникновению споров о принадлежности исключительных прав между пользователем, разработчиком программного обеспечения и владельцем платформы.

Для коммерческого оборота данная проблема имеет особое значение. Компании, использующие генеративный искусственный интеллект при создании рекламных материалов, дизайна, программного кода или медиаконтента, нуждаются в правовой определенности относительно принадлежности прав на полученный результат. Отсутствие четких законодательных критериев увеличивает риски последующих судебных споров, оспаривания авторства и предъявления претензий со стороны третьих лиц, включая правообладателей исходных данных, использованных при обучении модели.

В казахстанской правовой системе перспективным представляется закрепление презумпции принадлежности прав лицу, организовавшему процесс создания произведения и обеспечившему творческое руководство генерацией. Подобный подход позволит сохранить антропоцентричную природу авторского права, не признавая искусственный интеллект самостоятельным субъектом, и одновременно устранит неопределенность, возникающую при использовании автономных алгоритмов. Это особенно важно для развития цифровой экономики и формирования стабильной практики коммерческого использования ИИ-контента.

Особого внимания требует вопрос разграничения авторских и смежных прав в отношении результатов, созданных с применением искусственного интеллекта. Если уровень творческого участия человека оказывается недостаточным для признания авторства, такие объекты могут остаться за пределами классической системы авторского права. В подобных случаях в юридической литературе предлагается введение специального режима охраны, аналогичного смежным правам, который позволил бы обеспечить защиту инвестиций и организационных усилий лиц, инициировавших создание контента.

Не менее важной является проблема использования произведений, охраняемых авторским правом, при обучении генеративных моделей. Современные нейросети обучаются на огромных массивах данных, значительная часть которых включает тексты, изображения, музыкальные произведения и иные объекты интеллектуальной собственности. При отсутствии согласия правообладателей это может стать основанием для судебных споров, особенно при коммерческом использовании обученных моделей. В зарубежной практике уже рассматриваются иски к разработчикам генеративных систем, связанные с неправомерным использованием защищённых произведений на этапе обучения алгоритмов.

Для Казахстана данный вопрос приобретает стратегическое значение. Отечественное законодательство пока не содержит специальных норм, регулирующих использование объектов авторского права при машинном обучении. Отсутствие прямого регулирования может замедлить развитие национальных ИИ-платформ и создать правовую неопределенность для разработчиков, инвесторов и пользователей. Введение специальных исключений либо обязательных лицензионных механизмов способно обеспечить баланс между интересами авторов и технологическим развитием.

Судебная практика в этой сфере неизбежно станет ключевым фактором формирования правовых подходов. Именно суды будут определять достаточность творческого вклада человека, пределы использования охраняемых произведений при обучении моделей и критерии распределения ответственности между участниками технологической цепочки. В отсутствие специальных законодательных норм правоприменительная практика может сыграть определяющую роль в становлении национальной модели регулирования ИИ-генерируемых произведений.

Развитие искусственного интеллекта ставит перед правом задачу не пересмотра фундаментальных принципов авторского права, а их адаптации к новым способам создания результатов интеллектуальной деятельности. Сохранение центральной роли человека при одновременном формировании специальных механизмов защиты позволит обеспечить баланс между интересами авторов, разработчиков и общества, не разрушая сложившуюся систему интеллектуальной собственности.

Особенности правового статуса произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, определяются прежде всего смешанным характером их происхождения. В отличие от традиционных объектов авторского права, они возникают в результате взаимодействия человека и алгоритма, что требует установления степени участия каждого из участников процесса. Именно объем творческого вклада человека становится основным критерием для решения вопроса о предоставлении правовой охраны.

Казахстанское законодательство, как и большинство зарубежных правопорядков, связывает возникновение авторских прав исключительно с деятельностью физического лица. Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» прямо указывает, что автором может быть только гражданин, творческим трудом которого создано произведение. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, поэтому не может выступать автором или правообладателем. Его роль ограничивается функцией технического средства, независимо от уровня автономности системы.

Практическая сложность заключается в определении минимального уровня человеческого участия. Если пользователь лишь вводит короткий запрос, а итоговый результат формируется системой автоматически, наличие творческого вклада может быть поставлено под сомнение. Иная ситуация возникает, когда человек последовательно разрабатывает концепцию, подбирает параметры, вносит многочисленные корректировки и осуществляет окончательный отбор. В таких случаях произведение приобретает признаки охраноспособности, поскольку искусственный интеллект используется как инструмент реализации творческого замысла.

Особенностью правового режима является и высокая вероятность соавторских или комплексных правоотношений. В коммерческой практике в процессе создания ИИ-контента нередко участвуют пользователь, разработчик программного обеспечения, владелец платформы и заказчик.

При отсутствии четких договорных условий это может привести к конфликтам относительно объема исключительных прав, порядка использования произведения и распределения доходов.

Отдельную проблему составляет зависимость правового статуса конечного результата от законности обучения самой модели. Если генеративная система обучалась на произведениях, использованных без согласия правообладателей, это способно породить требования о нарушении исключительных прав даже при добросовестном использовании системы конечным пользователем. Подобные споры уже рассматриваются в США, Великобритании и странах Европейского союза.

Существенной особенностью является территориальная неоднородность регулирования. В ряде государств, включая США и страны Европейского союза, охрана предоставляется только при наличии значительного человеческого вклада. В Великобритании действует специальный режим для компьютерно-сгенерированных произведений, где автором признается лицо, организовавшее процесс их создания. Казахстан пока придерживается классической модели, не предусматривающей специальных правил для подобных объектов.

Для бизнеса правовой статус ИИ-генерируемых произведений имеет прикладное значение. От него зависят возможности лицензирования, передачи исключительных прав, регистрации товарных знаков на основе созданного контента и защиты от недобросовестного копирования. Отсутствие специальных норм увеличивает юридические риски, особенно в рекламной индустрии, разработке программного обеспечения, медиа и дизайне.

Развитие правового режима таких произведений неизбежно будет связано с формированием судебной практики и совершенствованием законодательства. Наиболее вероятным направлением станет закрепление критериев достаточного творческого участия человека, а также установление специальных правил распределения прав между участниками процесса генерации. Это позволит обеспечить правовую определенность без отказа от фундаментального принципа, согласно которому авторское право остается институтом, ориентированным на защиту человеческого творчества.

Особое значение имеет вопрос оборотоспособности произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Даже при наличии правовой охраны такие объекты отличаются повышенной уязвимостью с точки зрения подтверждения авторства и происхождения. В традиционной модели автор обычно может доказать процесс создания произведения посредством черновиков, исходных файлов и иных материалов. В случае с генеративными системами возникает необходимость фиксировать историю запросов, параметры генерации, версии модели и этапы последующей обработки результата. Без такой фиксации доказать наличие самостоятельного творческого вклада может оказаться затруднительно.

Не менее важным является вопрос оригинальности. Авторское право охраняет не идею, а форму её выражения, обладающую индивидуальностью.

Генеративные модели создают результаты на основе статистической обработки огромных массивов данных, что порождает риск непреднамеренного воспроизведения элементов ранее существующих произведений. При коммерческом использовании это может привести к претензиям о плагиате или незаконной переработке. Особенно высокие риски возникают в сфере визуального контента, музыкальных композиций и программного кода.

В корпоративной практике возрастает роль договорного регулирования. Пользовательские соглашения генеративных платформ нередко содержат специальные условия о распределении прав на создаваемый контент, ограничениях его использования и порядке разрешения споров. Для казахстанских компаний анализ таких условий становится обязательным элементом правовой экспертизы перед внедрением ИИ-инструментов в бизнес-процессы. Игнорирование лицензионных ограничений способно привести к утрате исключительных прав или возникновению дополнительных обязательств перед владельцем платформы.

Отдельного регулирования требует вопрос депонирования и регистрации результатов, созданных с применением искусственного интеллекта. Хотя авторское право возникает с момента создания произведения, наличие доказательственной базы приобретает особую ценность в потенциальных спорах. Использование электронного депонирования, нотариального удостоверения цифровых файлов и технологий временной метки может существенно упростить защиту прав правообладателя.

Формирование единообразных подходов к правовому режиму ИИ-генерируемых произведений становится одним из ключевых направлений развития современного авторского права. Для Казахстана особую актуальность приобретает выработка критериев, позволяющих отделить самостоятельное творчество человека от полностью автоматизированной генерации. От этого зависит не только стабильность гражданского оборота, но и инвестиционная привлекательность национального рынка цифровых технологий.

2.4. Государственные инициативы и стратегии в сфере ИИ

Развитие искусственного интеллекта в Республике Казахстан в последние годы стало одним из ключевых направлений государственной цифровой политики. Страна последовательно формирует нормативную и институциональную основу для внедрения ИИ в экономику, государственное управление и социальную сферу. Основой этого процесса стала Государственная программа «Цифровой Казахстан», утвержденная в 2017 году. Несмотря на то, что программа была принята до стремительного роста генеративного искусственного интеллекта, именно она создала инфраструктурную базу для дальнейшего развития технологий обработки данных, автоматизации и машинного обучения.

Новый этап начался с разработкой Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы. Документ определяет приоритетные направления государственной политики, включая создание национальной ИИ-инфраструктуры, развитие вычислительных мощностей, формирование массивов данных для обучения моделей, а также подготовку кадров. Особое внимание уделяется внедрению ИИ в государственные сервисы, здравоохранение, образование, промышленность и финансовый сектор. По данным Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности, к 2029 году планируется интеграция ИИ-решений в значительную часть государственных услуг.

Важным институциональным шагом стало создание специализированных подразделений, отвечающих за развитие искусственного интеллекта и цифровой трансформации. На базе государственных органов и национальных компаний формируются центры компетенций, занимающиеся разработкой, тестированием и внедрением ИИ-решений. Существенную роль в экосистеме играет Astana Hub, который выступает основной площадкой для развития стартапов, исследовательских проектов и коммерциализации ИИ-технологий.

Одним из стратегических направлений является создание национальной языковой модели KazLLM, ориентированной на казахский, русский и английский языки. Проект реализуется при участии государственных структур, научного сообщества и частного сектора. Разработка собственной модели позволяет снизить зависимость от иностранных технологических платформ и создать основу для локальных решений в сфере образования, государственного управления и бизнеса.

Значительное внимание уделяется подготовке специалистов. В ведущих университетах страны открываются образовательные программы по машинному обучению, анализу данных и разработке интеллектуальных систем. Параллельно государство поддерживает программы переквалификации и массового обучения цифровым навыкам. Это связано с прогнозируемым ростом спроса на специалистов в области ИИ и необходимостью формирования национального кадрового резерва.

Правовое регулирование развивается параллельно с технологической повесткой. В Казахстане ведется работа над отдельным законопроектом, посвященным искусственному интеллекту. Среди обсуждаемых вопросов — классификация ИИ-систем по уровню риска, ответственность операторов, требования к прозрачности алгоритмов, защита персональных данных и использование результатов интеллектуальной деятельности при обучении моделей. Подобный подход ориентирован на лучшие международные практики, включая европейскую модель риск-ориентированного регулирования.

Для сферы авторского права данные инициативы имеют особое значение. Массовое внедрение генеративного ИИ требует адаптации законодательства к новым способам создания контента, распределения прав и определения ответственности. Государственная стратегия формирует

основу для последующего совершенствования механизмов защиты произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, и интеграции Казахстана в глобальную цифровую экономику.

Существенное значение для развития искусственного интеллекта имеет формирование национальной вычислительной инфраструктуры. В Казахстане реализуются проекты по созданию центров обработки данных и высокопроизводительных вычислительных комплексов, необходимых для обучения крупных языковых моделей и работы сложных алгоритмов. Без собственных вычислительных мощностей государство остается зависимым от зарубежных облачных платформ, что создает риски для цифрового суверенитета, информационной безопасности и сохранности национальных данных.

Отдельное направление связано с созданием и регулированием государственных массивов данных. Искусственный интеллект напрямую зависит от качества, объема и доступности информации. Казахстан последовательно развивает систему открытых данных, цифровых государственных реестров и межведомственного обмена информацией. Для обучения отечественных моделей особую ценность представляют массивы на казахском языке, поскольку именно дефицит локальных данных долгое время оставался одним из главных барьеров для развития национальных ИИ-решений.

Значительная роль отводится международному сотрудничеству. Казахстан активно взаимодействует с международными организациями, включая OECD, UNESCO и World Intellectual Property Organization, перенимая лучшие практики регулирования искусственного интеллекта и защиты интеллектуальной собственности. Участие в международных экспертных площадках позволяет учитывать глобальные стандарты при формировании национального законодательства.

Особую актуальность приобретает вопрос этического регулирования. В рамках национальной стратегии обсуждается внедрение принципов прозрачности, объяснимости алгоритмов, недискриминации и человеческого контроля. Эти положения имеют непосредственное значение для генеративных систем, поскольку результаты их работы могут затрагивать права авторов, владельцев данных и конечных пользователей.

Для авторского права важнейшим направлением становится разработка правил использования объектов интеллектуальной собственности при обучении ИИ-моделей. Международная практика показывает, что именно этот вопрос становится центральным в судебных спорах между правообладателями и разработчиками генеративных систем. Казахстану предстоит определить баланс между интересами технологических компаний, авторов и общества.

Перспективным направлением выступает создание специализированных регуляторных песочниц. Такой механизм позволит тестировать ИИ-продукты в контролируемой правовой среде до их массового внедрения. Это особенно важно для генеративных моделей, способных

создавать объекты авторского права, поскольку позволит заранее выявлять правовые риски и вырабатывать единообразную практику регулирования.

Развитие искусственного интеллекта неизбежно приведет к трансформации всей системы интеллектуальной собственности. Национальная стратегия должна учитывать не только технологические аспекты, но и необходимость модернизации авторского права, патентного законодательства и механизмов судебной защиты. Именно от своевременности этих изменений будет зависеть конкурентоспособность Казахстана на глобальном рынке цифровых технологий.

Одним из перспективных направлений государственной политики становится внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов государственной власти. Автоматизация обработки обращений граждан, интеллектуальный анализ больших массивов данных, прогнозирование социально-экономических показателей и оптимизация административных процедур уже рассматриваются как практические инструменты повышения эффективности государственного управления. По оценкам международных организаций, использование ИИ в государственном секторе способно существенно сократить административные издержки и повысить качество публичных услуг.

Важным элементом национальной стратегии является стимулирование частных инвестиций. Государство формирует механизмы поддержки стартапов, предоставляет налоговые льготы участникам технологических парков, финансирует научно-исследовательские проекты и содействует коммерциализации разработок. Особая роль в этой системе принадлежит венчурному финансированию, поскольку именно оно позволяет быстро масштабировать инновационные решения и выводить их на международные рынки.

Отдельное внимание уделяется вопросам кибербезопасности. Расширение использования искусственного интеллекта одновременно создает новые угрозы, включая генерацию фальшивого контента, автоматизированные кибератаки и манипулирование информацией. Национальная стратегия должна учитывать необходимость разработки механизмов выявления ИИ-контента, защиты цифровой идентичности и предотвращения злоупотреблений генеративными технологиями.

Для правового регулирования авторских прав особое значение имеет создание специализированной судебной и экспертной практики. Суды, патентные органы и правоохранительные структуры неизбежно столкнутся с новыми категориями споров, связанными с определением авторства, доказательством творческого вклада и установлением факта использования охраняемых произведений при обучении алгоритмов. Подготовка профильных экспертов становится необходимым условием эффективной защиты прав.

Немаловажным направлением выступает развитие национальных стандартов и технических регламентов в сфере искусственного интеллекта. Единые стандарты позволяют определить требования к надежности,

безопасности, прозрачности и качеству ИИ-систем. Их наличие значительно упрощает внедрение технологий в коммерческий оборот и снижает правовую неопределенность для участников рынка.

Развитие искусственного интеллекта оказывает прямое влияние на рынок труда. Государственные программы должны предусматривать не только подготовку новых специалистов, но и адаптацию работников к автоматизации. По международным оценкам, в ближайшие годы значительная часть рутинных функций будет передана алгоритмам, что потребует масштабных программ переподготовки и повышения квалификации.

Наконец, особую роль играет формирование национальной правовой доктрины искусственного интеллекта. Казахстану важно не ограничиваться заимствованием зарубежных моделей, а вырабатывать собственные подходы, учитывающие особенности национальной правовой системы, языка, экономики и цифровой инфраструктуры. Это позволит создать устойчивую нормативную основу для развития технологий и эффективной защиты авторских прав на произведения, создаваемые с использованием искусственного интеллекта.

Цифровая экономика изменила традиционные представления об обороте результатов интеллектуальной деятельности. Если ранее основными объектами правовой охраны выступали материальные носители, то сегодня ключевую ценность представляют данные, программные решения, цифровой контент, алгоритмы и платформенные сервисы. Для Казахстана это означает необходимость адаптации действующего законодательства к новым экономическим моделям, в которых интеллектуальная собственность становится одним из основных нематериальных активов.

Казахстан последовательно формирует нормативную основу цифровой экономики через развитие электронного документооборота, электронных сделок, цифровой идентификации и регулирования платформенной деятельности. Существенную роль сыграли Закон «Об информатизации», законодательство о персональных данных, а также программы цифровизации государственного управления. Эти акты создали базовую инфраструктуру для функционирования цифрового рынка, однако развитие генеративного искусственного интеллекта поставило перед правовой системой новые задачи.

Особую значимость приобретает проблема правового режима данных. В цифровой экономике данные выступают одновременно ресурсом, товаром и объектом регулирования. Именно на массивах данных обучаются современные генеративные модели. Возникает необходимость определить пределы использования охраняемых произведений при машинном обучении, а также установить баланс между интересами правообладателей, разработчиков и общества.

Международная практика демонстрирует переход к риск-ориентированному регулированию. Наиболее ярким примером является European Union, который классифицирует ИИ-системы по уровням риска и вводит дифференцированные требования к их разработке и эксплуатации.

Для Казахстана данный подход представляет практический интерес, поскольку позволяет совместить развитие инноваций с обеспечением правовой безопасности.

В сфере интеллектуальной собственности ключевым направлением становится модернизация авторского права. Традиционная концепция, основанная исключительно на человеческом творчестве, сталкивается с вызовами генеративных технологий. Законодателю предстоит определить критерии охраноспособности произведений, созданных при участии ИИ, правила распределения прав между пользователями, разработчиками и владельцами платформ, а также пределы использования чужих произведений при обучении моделей.

Особое значение имеет регулирование платформенной экономики. Крупные цифровые платформы концентрируют значительные объемы контента, данных и пользовательской активности. Это требует выработки механизмов ответственности за нарушение авторских прав, удаления незаконного контента и взаимодействия с правообладателями. Международный опыт показывает, что именно платформы становятся центральными участниками современного рынка интеллектуальной собственности.

Для Казахстана важным направлением остается гармонизация национального законодательства с международными стандартами. Участие в соглашениях Всемирной организации интеллектуальной собственности и интеграционных объединениях формирует основу для унификации правовых подходов и повышения инвестиционной привлекательности цифрового сектора.

В контексте произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта, регулирование цифровой экономики и интеллектуальной собственности становится взаимосвязанным процессом. Эффективная правовая модель должна одновременно стимулировать инновации, защищать интересы авторов и обеспечивать предсказуемость гражданского оборота в условиях стремительного технологического развития.

Одним из центральных вопросов цифровой экономики становится определение стоимости интеллектуальных активов. Для технологических компаний программное обеспечение, алгоритмы, базы данных и цифровые бренды нередко составляют основную часть капитализации. Это требует совершенствования методов бухгалтерского учета, оценки и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. В условиях развития искусственного интеллекта значение нематериальных активов продолжает расти, а их правовая защита становится фактором инвестиционной привлекательности бизнеса.

Особую актуальность приобретает трансграничный характер цифрового оборота. Цифровой контент, программные продукты и результаты генерации искусственного интеллекта одновременно используются в нескольких юрисдикциях. Это порождает коллизионные вопросы, связанные с определением применимого права, подсудности и порядка исполнения

судебных решений. Для Казахстана, активно интегрированного в международную цифровую торговлю, формирование эффективных механизмов трансграничной защиты интеллектуальных прав становится стратегической задачей.

Важным направлением выступает развитие правового режима цифровых платформ как посредников в обороте интеллектуальной собственности. Онлайн-маркетплейсы, видеохостинги, музыкальные сервисы и генеративные платформы фактически стали инфраструктурой современной креативной экономики. Именно через них осуществляется распространение, лицензирование и монетизация контента. Соответственно, возрастает значение процедур notice-and-takedown, механизмов автоматического выявления нарушений и систем идентификации правообладателей.

Отдельного регулирования требует использование технологий блокчейн и смарт-контрактов в сфере интеллектуальной собственности. Они позволяют автоматизировать лицензирование, фиксировать момент создания произведения, отслеживать цепочку перехода прав и обеспечивать прозрачное распределение вознаграждения. Для произведений, созданных с применением искусственного интеллекта, такие инструменты могут стать эффективным способом подтверждения авторства и управления цифровыми правами.

Серьезным вызовом остается защита прав в условиях распространения deepfake-технологий и синтетического контента. Генеративные модели позволяют воспроизводить изображения, голос и стиль конкретных авторов, что затрагивает не только авторские, но и личные неимущественные права. Законодательство должно учитывать риски цифрового копирования личности, незаконного использования репутации и коммерческой эксплуатации чужого творческого стиля.

Развитие цифровой экономики неизбежно усиливает роль специализированных органов и экспертных институтов. Для эффективного разрешения споров требуются специалисты, обладающие знаниями одновременно в области права, информационных технологий и интеллектуальной собственности. Это обусловливает необходимость создания профильных экспертных центров, арбитражных механизмов и специализированных судебных составов.

Перспективным направлением становится формирование единой цифровой экосистемы управления интеллектуальными правами. Интеграция государственных реестров, электронного лицензирования, систем мониторинга нарушений и инструментов онлайн-защиты позволит существенно повысить эффективность охраны прав. Для Казахстана это особенно важно в условиях роста цифрового контента и расширения использования генеративного искусственного интеллекта в коммерческой деятельности.

Существенное значение приобретает развитие механизмов коллективного управления правами в цифровой среде. Традиционные модели, разработанные для аналоговой эпохи, не всегда способны эффективно

функционировать в условиях мгновенного распространения контента через глобальные платформы. Автоматизированный сбор, распределение и учет вознаграждения становятся необходимыми элементами современной системы защиты авторских прав. Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности организаций по коллективному управлению способно повысить прозрачность расчетов и снизить административные издержки.

Отдельного внимания требует вопрос налогообложения операций с объектами интеллектуальной собственности. Доходы от лицензирования программного обеспечения, цифрового контента и ИИ-сервисов становятся значимым источником налоговых поступлений. Вместе с тем трансграничный характер цифровых услуг усложняет определение налоговой юрисдикции. Казахстану важно учитывать международные инициативы по налогообложению цифровой экономики, включая подходы, разрабатываемые ОЭСР.

Значительный потенциал имеет развитие рынка лицензирования данных. В эпоху генеративного искусственного интеллекта именно данные становятся стратегическим ресурсом. Формирование прозрачных моделей лицензирования массивов информации, включая охраняемые произведения, позволит снизить количество правовых конфликтов между правообладателями и разработчиками ИИ-систем. В перспективе это может привести к появлению специализированных цифровых маркетплейсов данных.

Особую роль играет стандартизация процессов создания и использования ИИ-контента. Добровольные отраслевые стандарты, кодексы поведения и технические протоколы позволяют быстрее адаптировать рынок к новым технологиям, чем традиционные законодательные механизмы. Они особенно востребованы в период, когда правовое регулирование еще находится на стадии формирования.

Для судебной системы актуальной становится цифровизация защиты интеллектуальных прав. Электронное доказывание, автоматизированный анализ цифровых следов, использование блокчейн-реестров и специализированных программных инструментов существенно повышают эффективность рассмотрения споров. В делах, связанных с произведениями, созданными искусственным интеллектом, именно технологическая доказательная база часто приобретает решающее значение.

Не менее важным является развитие правовой культуры участников цифрового рынка. Многие нарушения авторских прав происходят не вследствие умысла, а из-за недостаточного понимания особенностей использования ИИ-инструментов, лицензионных ограничений и правил обращения с цифровым контентом. Государственные программы правового просвещения способны значительно снизить уровень конфликтности в этой сфере.

В долгосрочной перспективе цифровая экономика будет способствовать формированию новых объектов интеллектуальной

собственности, новых способов их использования и новых моделей монетизации. Задача правового регулирования заключается не в ограничении технологического прогресса, а в создании предсказуемой среды, в которой инновации и защита прав автора будут взаимно усиливать друг друга.

2.5. Проблемы правоприменения и защиты прав в РК

В Республике Казахстан правоприменительная практика в сфере авторского права, связанная с использованием искусственного интеллекта, находится на начальной стадии формирования. На сегодняшний день отсутствуют устойчивые судебные прецеденты, непосредственно рассматривающие споры о принадлежности прав на произведения, полностью или частично созданные с применением генеративных систем. Это означает, что правовая оценка таких объектов осуществляется исключительно через общие нормы авторского права без учета специфики ИИ.

Основной причиной отсутствия судебной практики является новизна самого явления. Генеративные модели массово начали использоваться в гражданском обороте сравнительно недавно, тогда как судебная система опирается на уже возникшие и документально оформленные споры. В результате большинство конфликтов в данной сфере пока не достигают стадии судебного разбирательства, разрешаясь на уровне договорных отношений или внутренней политики платформ.

Дополнительным фактором выступает недостаточная определенность правового режима ИИ-контента. Отсутствие специальных норм, регулирующих статус произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, затрудняет формирование единообразной судебной практики. Суды вынуждены применять общие положения авторского права, разработанные для традиционных объектов, что не всегда позволяет учитывать особенности алгоритмической генерации.

В международной практике аналогичная ситуация наблюдалась на ранних этапах развития цифровых технологий. Например, в юрисдикции U.S. Copyright Office первые решения по ИИ-генерации также основывались на принципе обязательного человеческого авторства, поскольку отсутствовали специализированные нормы и судебные подходы. Постепенно формирование практики происходило через административные разъяснения и отдельные судебные дела, связанные с регистрацией произведений.

В Казахстане аналогичный процесс пока не сформирован. Судебные органы не выработали критериев оценки достаточности творческого вклада человека при использовании ИИ, а также не определили подходы к распределению прав между пользователем, разработчиком и владельцем платформы. Это создает правовую неопределенность и снижает предсказуемость судебных решений.

Отсутствие практики также влияет на защиту прав правообладателей. В условиях цифровой среды доказательство авторства и факта нарушения

становится более сложным, поскольку требуется анализ технических параметров генерации, логов использования систем и цифровых следов. Без накопленной судебной практики формирование устойчивых доказательственных стандартов затруднено.

Отдельной проблемой является ограниченная специализация судей и экспертов. Рассмотрение споров, связанных с ИИ, требует не только правовых знаний, но и понимания принципов работы алгоритмов машинного обучения. Недостаток таких компетенций замедляет развитие правоприменения и увеличивает зависимость от экспертных заключений, которые пока не имеют единых методологических стандартов.

В результате система защиты авторских прав в условиях использования искусственного интеллекта в Казахстане находится на этапе становления, где ключевую роль пока играют не судебные решения, а общие нормы законодательства и международные подходы.

Существенной проблемой правоприменения остается отсутствие единых методических подходов к квалификации ИИ-контента в экспертной практике. Даже при наличии спора ключевое значение имеет заключение специалистов, однако в Казахстане отсутствуют утвержденные стандарты оценки того, что считать результатом человеческого творчества при использовании генеративных систем. Это приводит к разнородности экспертных выводов и снижает предсказуемость судебных решений.

Отдельное значение имеет слабая статистическая база по спорам в сфере цифрового и авторского права. Ограниченное количество дел не позволяет сформировать устойчивую правовую позицию судов, а также выявить типовые категории нарушений, связанных с использованием искусственного интеллекта. В результате правоприменение развивается реактивно, а не системно, что характерно для новых технологических отраслей на раннем этапе регулирования.

Проблемным остается и вопрос доказательств в цифровой среде. В спорах, связанных с ИИ-генерацией, необходимо устанавливать не только факт создания произведения, но и последовательность действий пользователя, параметры запроса, версию модели и источник данных. При отсутствии развитой практики электронного доказывания и специализированных инструментов фиксации цифровых следов суды сталкиваются с ограничениями при оценке таких материалов.

Дополнительной сложностью является трансграничный характер большинства цифровых сервисов. Многие ИИ-платформы находятся за пределами юрисдикции Казахстана, что затрудняет исполнение судебных решений и установление применимого права. В таких условиях защита авторских прав часто зависит от политики самих платформ, а не от национального законодательства.

Также отмечается отсутствие устойчивого взаимодействия между судебной системой, экспертным сообществом и регуляторами цифровой сферы. Это приводит к тому, что правовые вопросы, связанные с ИИ,

рассматриваются фрагментарно, без формирования единой правовой позиции и системного подхода к регулированию.

В совокупности данные факторы свидетельствуют о том, что правоприменение в сфере авторских прав на ИИ-генерируемые произведения в Казахстане находится на стадии формирования, где ключевую роль пока играет не судебная практика, а общие принципы права и зарубежные модели регулирования.

Отдельной проблемой является отсутствие единых подходов к квалификации пользовательского промпта как элемента творческого вклада. В судебной практике пока не сформировано понимание, является ли формулирование запроса в генеративной системе достаточным основанием для признания лица автором результата. Это создает правовую неопределенность, поскольку в одних случаях промпт рассматривается как техническое действие, в других — как элемент творческого процесса.

Существенные сложности вызывает также идентификация самого объекта правовой охраны. При использовании искусственного интеллекта результат может быть вариативным, изменяемым и воспроизводимым в разных формах при повторном запросе. Это затрудняет определение окончательной версии произведения, подлежащей защите, и усложняет фиксацию момента его создания.

Проблемой остается и отсутствие унифицированных требований к фиксации происхождения цифрового контента. В отличие от традиционных произведений, где можно установить автора через черновики или исходные материалы, ИИ-генерация требует фиксации технических параметров работы модели. Однако такие данные не всегда сохраняются пользователями или платформами, что осложняет последующее доказывание в суде.

Важным аспектом выступает также ограниченность доступа судов к технической информации о работе алгоритмов. Многие генеративные системы функционируют как “закрытые модели”, не раскрывающие структуру обучения и принципы формирования результата. Это создает ситуацию информационной асимметрии между сторонами спора и снижает возможность полноценной судебной оценки.

Дополнительной проблемой является слабая интеграция цифровых реестров интеллектуальной собственности с судебной системой. Отсутствие оперативного доступа к базам данных зарегистрированных произведений и лицензий усложняет проверку правового статуса спорного объекта и увеличивает длительность рассмотрения дел.

В совокупности указанные факторы усиливают общий вывод о том, что правоприменение в сфере ИИ-генерируемых произведений требует не только накопления судебной практики, но и технологической модернизации доказательственных механизмов, а также разработки специальных процессуальных стандартов.

Сложности доказывания авторства и факта создания произведения с участием искусственного интеллекта связаны с тем, что традиционная система авторского права опирается на фиксируемый человеческий

творческий процесс, тогда как в условиях генеративных технологий этот процесс становится распределённым и частично непрозрачным. В классической модели автор может подтвердить своё участие через черновики, исходные файлы, эскизы или иные промежуточные материалы. При использовании ИИ значительная часть этих стадий либо отсутствует, либо заменяется автоматической обработкой данных системой.

Одной из ключевых проблем является установление самого факта творческого вклада человека. Для признания авторства необходимо доказать, что результат является следствием творческой деятельности, а не исключительно работы алгоритма. Однако на практике пользователь часто ограничивается формулированием текстового запроса и выбором итогового варианта из нескольких сгенерированных системой результатов. В таких условиях возникает спор о том, можно ли считать подобные действия достаточным основанием для возникновения авторских прав.

Сложность усиливается отсутствием единых технических стандартов фиксации процесса генерации. Многие платформы не сохраняют полную историю запросов, версий модели или параметров генерации, либо предоставляют их в ограниченном виде. Это приводит к тому, что восстановление цепочки создания произведения становится затруднительным даже при наличии спора. В результате суды и эксперты вынуждены опираться на косвенные доказательства.

Важную роль в доказывании начинают играть цифровые следы, включая метаданные файлов, журналы активности, историю использования платформ и системные логи. Однако их юридическая значимость пока не имеет единообразного регулирования, а способы их фиксации и проверки различаются в зависимости от платформы и юрисдикции. Это снижает уровень правовой определенности и усложняет процесс доказывания.

Дополнительной проблемой является возможность генерации схожих или идентичных результатов разными пользователями при использовании одинаковых или близких запросов. Это затрудняет индивидуализацию произведения и установление его уникального происхождения. В отдельных случаях возникает риск множественных претензий на авторство одного и того же результата.

Существенное значение имеет также закрытый характер многих генеративных моделей. Отсутствие доступа к исходному коду и обучающим данным ограничивает возможность проведения полноценной технической экспертизы. Эксперты не всегда могут установить, какие именно данные повлияли на формирование конкретного результата, что снижает доказательственную ценность экспертных заключений.

В результате формируется ситуация, при которой доказывание авторства и факта создания произведения с участием искусственного интеллекта требует комплексного подхода, включающего правовые, технические и процессуальные инструменты. Это обуславливает необходимость развития специальных правил доказывания в цифровой среде

и усиления роли цифровой экспертизы в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью.

Существенную проблему представляет отсутствие единых критериев разграничения оригинального результата и производного контента при использовании искусственного интеллекта. Даже при наличии человеческого участия итоговый объект может содержать элементы, статистически выведенные из обучающих данных модели. Это затрудняет определение того, является ли произведение самостоятельным результатом или переработкой ранее существующих объектов, что напрямую влияет на доказывание авторства.

Отдельное значение имеет проблема временной фиксации момента создания произведения. В традиционном авторском праве момент создания обычно совпадает с завершением материального выражения результата. В случае с ИИ-генерацией результат может формироваться итеративно, в несколько этапов, при этом промежуточные версии могут существенно отличаться друг от друга. Это усложняет определение юридически значимого момента возникновения объекта авторского права.

Дополнительной сложностью является зависимость доказательственной базы от частных цифровых платформ. Пользователь фактически не контролирует способы хранения данных о генерации, а также не всегда имеет доступ к полной истории операций. В случае удаления аккаунта или изменения политики сервиса значительная часть доказательств может быть утрачена, что негативно влияет на возможность защиты прав в суде.

Проблемным остается и вопрос аутентификации пользователя как лица, совершившего творческие действия. В цифровой среде возможны случаи совместного использования аккаунтов, автоматизированного взаимодействия или использования сторонних сервисов генерации. Это создает дополнительные риски подмены субъекта творчества и усложняет установление фактического автора.

Важным аспектом является также отсутствие специализированных процессуальных норм, регулирующих порядок доказывания в делах, связанных с ИИ-генерацией. Действующие нормы гражданского процесса ориентированы на традиционные виды доказательств и не учитывают специфику алгоритмически создаваемых объектов. Это приводит к необходимости адаптации процессуальных механизмов под цифровую среду.

В целом, проблема доказывания в сфере искусственного интеллекта выходит за рамки классического авторского права и требует формирования комплексной системы цифрового доказательственного права, включающей технические стандарты фиксации, специальные экспертные методики и обновленные процессуальные подходы.

Отдельного внимания требует проблема верификации цепочки участия человека в процессе генерации произведения. В условиях использования искусственного интеллекта творческий процесс часто распределяется между несколькими действиями: формулировкой запроса, выбором параметров,

повторной генерацией, постобработкой и редактированием результата. При отсутствии четкой фиксации каждого этапа возникает сложность в установлении того, какие действия имели творческий характер, а какие носили технический или вспомогательный характер.

Существенным препятствием для доказывания является также высокая динамичность генеративных систем. Обновления моделей, изменение алгоритмов и параметров обучения могут приводить к тому, что одинаковые запросы в разное время дают различные результаты. Это делает невозможным воспроизведение идентичного процесса создания произведения, что традиционно используется в судебной практике для проверки авторства.

Дополнительной проблемой выступает отсутствие единых стандартов хранения и архивирования цифровых результатов генерации. В отличие от классических произведений, где существует стабильный объект (рукопись, файл, запись), ИИ-результаты часто существуют только в виде временного вывода системы. Без обязательного сохранения данных о генерации доказательная база оказывается фрагментарной.

Значимым фактором является также потенциальная манипуляция цифровыми доказательствами. Поскольку большая часть ИИ-контента создается в онлайн-среде, существует риск изменения истории запросов, удаления данных или их подделки. Это требует внедрения защищенных механизмов фиксации информации, включая криптографическую верификацию и использование технологий распределенного реестра.

В научной литературе подчеркивается, что текущая модель доказывания в авторском праве основана на презумпции человеческого творчества. В условиях ИИ эта презумпция становится недостаточной, поскольку не позволяет автоматически определить источник происхождения результата. Это приводит к необходимости разработки новых доказательственных стандартов, ориентированных на цифровую природу объектов. Таким образом, проблема доказывания авторства и факта создания произведения с участием искусственного интеллекта носит не частный, а системный характер и требует трансформации как материального, так и процессуального права с учетом специфики цифровых технологий.

Риски злоупотреблений при использовании искусственного интеллекта в сфере авторского права связаны прежде всего с тем, что генеративные системы значительно упрощают процесс создания и массового распространения контента. Это снижает порог входа для создания визуальных, текстовых и аудиальных произведений, но одновременно увеличивает вероятность неправомерного использования чужих объектов интеллектуальной собственности.

Одним из наиболее распространённых рисков является несанкционированное использование охраняемых произведений при обучении моделей. Генеративные системы обучаются на больших массивах данных, которые могут включать тексты, изображения и музыку, защищённые авторским правом. При отсутствии лицензии или согласия

правообладателей это может рассматриваться как нарушение исключительных прав, особенно если итоговые результаты сохраняют узнаваемые элементы оригинальных произведений.

Отдельную проблему представляет риск создания производных работ, которые имитируют стиль конкретных авторов. Хотя стиль как таковой не всегда охраняется авторским правом, чрезмерно точное воспроизведение характерных черт творчества может приводить к конфликтам с правообладателями и спорам о границах допустимого использования. Это особенно актуально в сфере иллюстрации, музыки и дизайна.

Существенным риском является также массовое производство контента, который может нарушать права третьих лиц. Искусственный интеллект позволяет быстро генерировать большое количество материалов, что увеличивает вероятность непреднамеренного включения элементов, совпадающих с охраняемыми произведениями. В таких случаях сложно установить наличие умысла, однако ответственность за использование результата может сохраняться за пользователем или оператором системы.

Дополнительное значение имеет проблема злоупотребления правами самим пользователем ИИ. Возможны ситуации, когда лицо регистрирует авторские права на результат, созданный с минимальным творческим участием, пытаясь ограничить использование фактически машинно-сгенерированного контента другими участниками рынка. Это создает риск монополизации общественно доступных цифровых ресурсов через формальное оформление прав. Отдельно выделяется риск нарушения прав личности, включая использование изображений, голоса или идентичности реальных людей без их согласия. Генеративные технологии позволяют создавать реалистичные синтетические изображения и аудиозаписи, что может использоваться для введения в заблуждение, коммерческой эксплуатации или репутационного ущерба.

Серьезную угрозу представляет и проблема недобросовестной конкуренции. Использование ИИ позволяет копировать коммерчески успешные продукты, адаптируя их под минимальные изменения, что затрудняет защиту оригинальных разработок. Это особенно заметно в цифровом дизайне, маркетинговом контенте и программном обеспечении. В совокупности данные риски указывают на необходимость развития комплексных механизмов защиты прав, включающих как совершенствование законодательства, так и внедрение технических инструментов идентификации контента, систем мониторинга нарушений и усиление ответственности участников цифрового оборота.

Отдельного внимания требует риск правовой неопределённости при распределении ответственности между участниками процесса использования искусственного интеллекта. В случае нарушения авторских прав сложно однозначно установить, кто именно несёт ответственность: разработчик модели, владелец платформы, пользователь или третьи лица, предоставившие данные для обучения. Такая размытость субъектного состава создаёт условия

для ухода от ответственности и затрудняет эффективную защиту прав правообладателей.

Существенным является риск автоматизированного массового нарушения авторских прав. Генеративные системы способны производить тысячи единиц контента за короткий промежуток времени, что делает возможным масштабное воспроизведение охраняемых объектов в изменённой форме. При этом традиционные механизмы реагирования, основанные на индивидуальном выявлении нарушений, оказываются недостаточно эффективными.

Проблему представляет злоупотребление механизмами цифровой идентификации авторства. Возможны ситуации, когда пользователь фиксирует или депонирует ИИ-генерируемый результат как собственное произведение с целью получения исключительных прав и последующего ограничения доступа других лиц к аналогичному контенту. Это создаёт риск недобросовестного расширения объёма правовой охраны. Значимым фактором является также информационная асимметрия между пользователями и разработчиками ИИ-систем. Пользователь, как правило, не имеет доступа к информации о том, какие данные использовались при обучении модели и какие алгоритмические решения повлияли на результат. Это затрудняет установление факта нарушения и снижает эффективность правовой защиты. Отдельно выделяется риск подмены оригинальности через алгоритмическую вариативность. Искусственный интеллект может генерировать множество схожих версий одного и того же произведения, что усложняет определение первичного источника и создает возможности для обхода правовых ограничений путём незначительных изменений результата. Также существует риск “размывания авторства”, при котором массовое использование ИИ снижает значимость индивидуального творческого вклада. В долгосрочной перспективе это может привести к снижению уровня охраны авторских прав и усложнению разграничения охраняемых и неохраняемых результатов. В совокупности данные риски демонстрируют, что проблемы злоупотреблений в сфере искусственного интеллекта носят не только правовой, но и системный характер, затрагивая устойчивость всей модели авторского права в цифровой экономике.

Отдельно в международной практике выделяется риск так называемого data laundering — «отмывания данных», когда защищённые авторским правом произведения перерабатываются через нейросети до состояния, при котором их происхождение становится трудно прослеживаемым. В результате исходный контент может быть фактически воспроизведён в изменённой форме без прямого копирования, что затрудняет применение традиционных критериев нарушения авторских прав.

Существенным является риск “серой зоны” лицензирования обучающих данных. В ряде случаев разработчики ИИ используют материалы, находящиеся в открытом доступе, но не имеющие явного разрешения на машинное обучение. Это создаёт правовую неопределённость между

понятиями “доступность контента” и “разрешение на его использование”, что уже стало предметом споров в США и странах ЕС.

Практически значимым риском выступает автоматизация плагиата. Современные генеративные модели способны воспроизводить фрагменты текста, музыкальные структуры или визуальные элементы, статистически близкие к обучающим данным. При отсутствии надлежащей фильтрации это может приводить к непреднамеренному включению охраняемых элементов в новый контент без осознания пользователем факта нарушения. В сфере медиа и цифровых платформ фиксируется рост так называемых content farms — массового производства низкокачественного контента с использованием ИИ. Такие практики позволяют быстро монетизировать информационные площадки, однако приводят к снижению ценности оригинального творчества и затрудняют идентификацию первоисточников.

Отдельного внимания требует риск манипуляции правовым статусом контента через автоматическую генерацию вариаций. Незначительные изменения в тексте, изображении или аудио позволяют формально обходить механизмы обнаружения совпадений, используемые системами защиты авторских прав (content ID, fingerprinting), что снижает эффективность цифровой охраны. Также в научной литературе отмечается риск “обесценивания авторского вклада”, когда массовое использование ИИ приводит к снижению экономической ценности индивидуального творчества. Это выражается в росте конкуренции со стороны машинно-сгенерированного контента, который производится быстрее и дешевле, чем человеческий труд. В совокупности эти явления показывают, что риски злоупотреблений в сфере ИИ выходят за рамки классических нарушений авторского права и формируют новую категорию цифровых правонарушений, требующих адаптации правовых механизмов контроля и защиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ правового регулирования авторских прав на произведения, создаваемые с использованием искусственного интеллекта, показывает, что действующая система интеллектуальной собственности в Республике Казахстан продолжает опираться на традиционную модель, основанную на исключительной роли человека как автора. Такой подход обеспечивает устойчивость правовой конструкции, однако в условиях активного развития генеративных технологий выявляет ряд концептуальных и практических ограничений.

Основной проблемой остается неопределённость правового статуса результатов, создаваемых с участием ИИ. При высокой степени автономности алгоритмов затрудняется установление творческого вклада человека, что напрямую влияет на возможность признания авторства и возникновения исключительных прав. Это приводит к необходимости индивидуальной оценки каждого случая и усложняет правоприменительную практику.

Отдельно выявлены сложности, связанные с доказыванием авторства и факта создания произведения. Отсутствие единых стандартов фиксации процесса генерации, ограниченный доступ к техническим данным платформ и недостаточная развитость цифровых доказательственных механизмов снижают уровень правовой определённости и увеличивают риск судебных споров.

Практическое значение имеют также риски злоупотреблений, включая использование охраняемых произведений при обучении моделей, имитацию авторского стиля, массовую генерацию контента и возможное недобросовестное присвоение результатов машинной генерации. Эти процессы требуют усиления механизмов защиты прав и совершенствования регулирования цифровой среды. Существенным фактором выступает отсутствие устойчивой судебной практики по вопросам, связанным с ИИ-генерируемыми произведениями. Это ограничивает формирование единообразных подходов к квалификации таких объектов и распределению прав между участниками технологического процесса. В результате значительная часть регулирования фактически осуществляется через общие нормы и договорные конструкции.

Вместе с тем развитие цифровой экономики и государственные инициативы в сфере искусственного интеллекта формируют основу для постепенной адаптации правовой системы. Международный опыт показывает, что регулирование данной сферы развивается в направлении уточнения критериев авторства, внедрения риск-ориентированных моделей и усиления ответственности участников цифрового оборота. Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования авторских прав на произведения, создаваемые с использованием искусственного интеллекта, в Республике Казахстан должно быть направлено на формирование более точных критериев определения творческого вклада человека, развитие

доказательственных механизмов в цифровой среде и гармонизацию национального законодательства с международными подходами. Это позволит обеспечить баланс между защитой прав авторов, интересами технологического развития и устойчивостью цифровой экономики.

Правовое регулирование ИИ-генерируемых произведений в Казахстане требует перехода от общего нормативного подхода к более детализированному определению критериев охраноспособности результата. Центральным элементом становится фиксация степени участия человека в процессе создания, поскольку именно этот фактор определяет возможность возникновения авторских прав.

Доказывание авторства в цифровой среде требует внедрения технически подтверждаемых механизмов фиксации процесса генерации. Речь идет о сохранении параметров запросов, истории взаимодействия с моделью и цифровых следов, которые могут быть использованы в качестве доказательственной базы. Без таких инструментов судебная защита остается ограниченной.

Отсутствие сформированной судебной практики сдерживает развитие единообразного подхода к квалификации ИИ-контента. Каждое дело рассматривается через общие нормы авторского права, что приводит к различной интерпретации схожих фактических обстоятельств. Это снижает предсказуемость правоприменения и усложняет защиту прав участников цифрового оборота. Отдельного внимания требует распределение прав между пользователем, разработчиком и владельцем платформы. Действующее регулирование не содержит четких правил разграничения прав на результат генерации, что создает риск возникновения конфликтов при коммерческом использовании контента.

Использование искусственного интеллекта в процессе создания произведений усиливает значение договорного регулирования. Условия пользовательских соглашений фактически определяют объем прав на результат, включая ограничения по использованию, коммерциализации и передаче третьим лицам. Это формирует параллельный уровень регулирования наряду с законодательством.

Развитие регулирования данной сферы связано с необходимостью адаптации авторского права к цифровым технологиям без отказа от базового принципа человеческого творчества как основания правовой охраны. Это предполагает постепенное формирование специализированных норм, учитывающих особенности генеративных систем и их влияние на процесс создания контента.

Отсутствие единых подходов к оценке правового статуса ИИ-генерируемых произведений приводит к формированию правовой неопределенности, которая затрагивает как сферу авторского права, так и гражданский оборот в целом. Это выражается в невозможности заранее предсказать правовой режим конкретного результата, созданного с участием алгоритмов. Отдельное значение приобретает вопрос устойчивости авторского права в условиях массовой автоматизации творческих процессов.

Увеличение объема машинно-сгенерированного контента влияет на баланс между индивидуальным творчеством и технологической генерацией, что требует пересмотра критериев оригинальности и творческого вклада.

Практическая защита прав зависит не только от нормативного регулирования, но и от уровня цифровой инфраструктуры. Эффективность правоприменения напрямую связана с наличием технических инструментов идентификации контента, систем мониторинга нарушений и возможностей фиксации цифровых доказательств.

Международные подходы демонстрируют постепенный переход к гибридной модели регулирования, в которой сочетаются классические принципы авторского права и специальные нормы, учитывающие особенности искусственного интеллекта. Для Казахстана это означает необходимость адаптации национальной модели с учетом глобальных тенденций цифровой экономики. Дальнейшее развитие правового регулирования связано с формированием более четких критериев разграничения человеческого и алгоритмического вклада, а также с разработкой механизмов распределения прав между всеми участниками процесса создания цифрового контента.

Развитие генеративных технологий формирует устойчивый запрос на переосмысление границ авторского права, однако изменение подходов не означает отказ от его базовых принципов. Центральным остается сохранение связи между правовой охраной и человеческим творческим вкладом, что определяет устойчивость всей системы интеллектуальной собственности. Правоприменительная практика показывает, что ключевые сложности возникают не на уровне наличия норм, а на уровне их применения к новым технологическим условиям. Это проявляется в неоднозначной квалификации результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, и отсутствии единых подходов к оценке доказательств. Дополнительным фактором становится ускорение технологических изменений по сравнению с темпами развития законодательства. Это приводит к ситуации, когда правовые конструкции не успевают адаптироваться к новым формам создания и использования цифрового контента, что усиливает нагрузку на судебную и доктринальную практику. Важное значение приобретает формирование устойчивой экспертной базы, способной обеспечивать корректную оценку технических аспектов ИИ-генерации. Без участия специалистов в области информационных технологий эффективное применение норм авторского права в данной сфере остается ограниченным.

В перспективе развитие регулирования будет зависеть от способности правовой системы интегрировать технические стандарты в сферу интеллектуальной собственности. Это позволит снизить уровень правовой неопределенности и обеспечить более предсказуемое регулирование результатов, создаваемых с использованием искусственного интеллекта. Отдельного внимания требует формирование устойчивой правовой определённости для участников цифрового рынка. Отсутствие чётких критериев охраноспособности ИИ-генерируемых произведений влияет на

инвестиционные решения, коммерциализацию технологий и развитие креативных индустрий, где правовая защита результатов является ключевым фактором экономической стабильности. Существенным направлением дальнейшего развития становится интеграция правовых и технических механизмов регулирования. Речь идет о необходимости сочетания норм авторского права с инструментами цифровой верификации, включая технологии фиксации происхождения контента и подтверждения цепочки его создания. Развитие искусственного интеллекта усиливает роль превентивного регулирования, при котором акцент смещается с последующего разрешения споров на предотвращение нарушений. Это предполагает внедрение стандартов использования обучающих данных, прозрачности алгоритмов и обязательного документирования процессов генерации.

Важным элементом остаётся формирование баланса между интересами правообладателей и развитием инновационных технологий. Чрезмерное ограничение использования данных может замедлить технологический прогресс, тогда как недостаточный уровень защиты создаёт риски массовых нарушений авторских прав.

В результате развитие правового регулирования в данной сфере должно основываться на поэтапной адаптации законодательства, усилении правоприменительной практики и формировании единых подходов к оценке результатов, создаваемых с использованием искусственного интеллекта.

Предложения по совершенствованию законодательства Республики Казахстан в сфере защиты авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта

1. Внести изменения в Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах», закрепив понятие произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта.

Под таким произведением предлагается понимать результат интеллектуальной деятельности, созданный посредством применения систем искусственного интеллекта при наличии существенного творческого участия человека в формировании, отборе, редактировании или окончательном утверждении результата.

2. Закрепить критерий существенного творческого вклада человека как обязательное условие возникновения авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта.

Автором такого произведения должен признаваться человек, который определил творческую задачу, осуществил управление процессом генерации контента и внёс интеллектуальный вклад в конечный результат.

3. Создать специальный правовой режим для произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта.

Данный режим должен учитывать особенности взаимодействия человека и алгоритма и устанавливать порядок возникновения, осуществления и защиты авторских прав на такие объекты.

4. Ввести обязательную маркировку контента, произведений и товаров, созданных полностью либо частично с использованием искусственного интеллекта.

Предлагается разработать единый государственный знак маркировки, аналогичный системе обязательной сертификации продукции. Такая маркировка позволит обеспечить прозрачность происхождения контента, защиту прав потребителей и предотвращение введения в заблуждение относительно характера создания произведения.

5. Создать государственный реестр произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта.

Регистрация позволит фиксировать степень участия человека и искусственного интеллекта в создании произведения, а также будет способствовать снижению количества споров в сфере интеллектуальной собственности.

6. Закрепить обязанность разработчиков генеративных моделей обеспечивать прозрачность происхождения обучающих данных.

В целях защиты прав авторов необходимо предусмотреть механизмы раскрытия информации об использовании объектов интеллектуальной собственности при обучении систем искусственного интеллекта.

7. Разработать специальные лицензионные механизмы использования произведений для обучения искусственного интеллекта.

Такой подход позволит обеспечить баланс между интересами правообладателей, разработчиков технологий и общества в целом.

8. Предусмотреть административную ответственность за сокрытие факта использования искусственного интеллекта в случаях, когда такая информация подлежит обязательному раскрытию.

Это позволит повысить уровень доверия к цифровому контенту и обеспечить добросовестность участников цифрового рынка.

Таким образом, дальнейшее развитие законодательства Республики Казахстан должно быть направлено на формирование самостоятельного института регулирования произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, обеспечивающего баланс между защитой авторских прав, развитием инноваций и интересами общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abbott R. Research Handbook on Intellectual Property and Artificial Intelligence. — Edward Elgar Publishing, 2021. [https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-intellectual-property-and-artificial-intelligence-9781800881891.html]

2. Allyn B. A Piece of Art Made by AI Won a Fine Arts Competition, and Artists are Concerned // NPR News. — 2022. [https://www.npr.org/2022/09/02/1120724534/ai-artificial-intelligence-state-fair-colorado]

3. Authors Guild v. Google, 804 F.3d 202 (2d Cir. 2015). [https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-4829/13-4829-2015-10-16.html]

4. Basin Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. — Алматы, 2017. [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31583728]

5. Cuntz A. Artificial Intelligence and Intellectual Property: An Economic Perspective // World Intellectual Property Organization (WIPO). — Geneva, 2020. [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-econstat-wp-77-en-artificial-intelligence-and-intellectual-property-an-economic-perspective.pdf]

6. Crawford K. AI Now Institute Research. — 2023. [https://ainowinstitute.org/publications]

7. Cohen J. The Crow Reboot and the Legal Challenges of AI-generated Performances // Hollywood Reporter. — 2024. [https://www.hollywoodreporter.com/]

8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. — М.: Статут, 2023. [https://www.statut.ru/catalog/monografii/]

9. Ducru P. et al. AI Royalties Framework for IP Compensation. — 2024. [https://arxiv.org/abs/2406.11857]

10. European Commission. Artificial Intelligence Act // Official Journal of the European Union. — 2024. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj

11. Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. — Oxford Internet Institute, 2021. [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3831321]

12. Getty Images v. Stability AI, No. 1:23-cv-00135 (D. Del. 2023). [https://dockets.justia.com/docket/delaware/dedce/1:2023cv00135/81739]

13. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention Context // Columbia Public Law Research Paper. — 2023. [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4377491]

14. Guadamuz A. Artificial Intelligence and Copyright // WIPO Magazine. — 2017.[https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html]

15. Helen Margetts. Digital Governance and Networked Society Research // Oxford Internet Institute. — 2023. [https://www.oii.ox.ac.uk/people/profiles/helen-margetts/]

16. ISO/IEC 42001 Artificial Intelligence Management System Standard. — ISO, 2024. [https://www.iso.org/standard/81230.html]

17. Каудыров Т.Е. Право интеллектуальной собственности в Республике Казахстан. — Алматы: Баспа, 2020. [https://kazneb.kz/ru/catalogue/view?br=1168146]

18. Каудыров Т.Е. Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности. — Алматы: Жеті жарғы, 2001. [https://search.rsl.ru/ru/record/01000743882]

19. Kestenbaum R. What Are Online Marketplaces and What Is Their Future? // Forbes. — 2017. [https://www.forbes.com/sites/richardkestenbaum/2017/01/26/what-are-online-marketplaces-and-what-is-their-future/]

20. Kuspanovich A., Irdrysheva S. Copyright Protection on Works Generated by Artificial Intelligence // Vestnik ZQAI. — 2022. — № 3(1). — C. 45–62. [https://vestnik.zqai.kz/index.php/oqu/article/view/762]

21. Lemley M.A., Casey B. Fair Learning and AI Training Datasets // Stanford Law School Research Paper. — 2024. [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4749556]

22. Luciano Floridi. Philosophy and AI Governance Research. — Oxford Martin School, 2023. [https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/people/professor-luciano-floridi/]

23. Myers G. The Future is Now: Copyright Protection for Works Created by Artificial Intelligence // Texas Law Review. — 2021. — Vol. 99. — № 4. — P. 785–810. [https://texaslawreview.org/the-future-is-now-copyright-protection-for-works-created-by-artificial-intelligence/]

24. New York Times v. OpenAI, No. 1:23-cv-10824 (S.D.N.Y. 2023). [https://nytco-assets.nytimes.com/2023/12/NYT_Complaint_Dec2023.pdf]

25. OECD AI Policy Observatory. — Paris: OECD, 2024. [https://oecd.ai/]

26. OECD AI Principles. — Paris: OECD, 2024. [https://oecd.ai/en/ai-principles]

27. OpenAI. Jukebox: AI-generated Music in the Style of Famous Artists. — 2023. [https://openai.com/research/jukebox]

28. Ramalho A. Intellectual Property Protection for AI-generated Creations: Europe, United States, Australia and Japan. — Routledge, 2021. [https://www.routledge.com/Intellectual-Property-Protection-for-AI-generated-Creations-Europe United/Ramalho/p/book/9780367508456]

29. Šarčević T. et al. Intellectual Property Protection in Generative AI Systems. — 2024. [https://arxiv.org/abs/2406.15386]

30. Suleimenov M.K. Гражданское право Казахстана в современном мире:

влияние на развитие национального права. — Алматы, 2021. [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38137084]

31. Taplin R. Artificial Intelligence, Intellectual Property, Cyber Risk and Robotics: A New Digital Age. — Routledge, 2022.

[https://www.routledge.com/Artificial-Intelligence-Intellectual-Property-Cyber-Risk-and-Robotics/Taplin/p/book/9781032171722]

32. UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. — Paris: UNESCO, 2021. [https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455]

33. WIPO. Artificial Intelligence and Intellectual Property. — Geneva: WIPO, 2020. [https://www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/]

34. WIPO Technology Trends: Artificial Intelligence. — Geneva, 2019. [https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf]

35. World Economic Forum. AI Governance Reports. — Geneva, 2024. [https://www.weforum.org/reports/]

36. Абдраимов Б.Ж. Защита интеллектуальной собственности в Казахстане: проблемы и перспективы. — Алматы, 2022. [https://kazneb.kz/ru/catalogue/view?br=1689152]

37. Алимбеков М.Т., Абдиев Ж.Н., Абдрасулова Г.Э. Споры о праве интеллектуальной собственности: практическое пособие. — Астана, 2020. [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34489212]

38. Амангельды А.А. Право интеллектуальной собственности в системе гражданского права. — Алматы: Интерлигал, 2022. [https://interlegal.kz/](

39. Амангельды А.А., Шарифбаева Х.С. Особенности защиты прав интеллектуальной собственности по законодательству Республики Казахстан // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 2. — С. 42–56. [https://ipcmagazine.ru/]

40. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года. [https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/]

41. Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сентября 1952 года. [https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-copyright-convention]

42. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность. — Женева, 2023. [https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/]

43. Давыдов Р.Х. Некоторые аспекты правового регулирования цифровых прав в зарубежных странах // Elibrary. — 2022. [https://elibrary.ru/]

44. Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на цифровом едином рынке». [https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj]

45. Закон Республики Казахстан «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК. [https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018]

46. Мамаджанов Х.А., Жанкубаев Б.А. Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов. — Алматы, 2021. [https://kazneb.kz/ru/catalogue/view?br=1617467]

47. Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. — 2024. [https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai]

48. Министерство юстиции Республики Казахстан. — 2024. [https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet]

49. Мукашев Б.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Республике Казахстан // Юридическая наука Казахстана. — 2024. [https://elibrary.ru/]

50. Мынбаева Н.Б., Медьяева А.Р. Понятие товарного знака как правовой категории в Республике Казахстан // Вестник науки и образования. — 2021. — № 9(112). — С. 53–59. [https://cyberleninka.ru/]

51. OECD Digital Government Index. — Paris: OECD, 2023. [https://www.oecd.org/gov/digital-government-index/]

52. OpenAI Terms of Use. — 2024. [https://openai.com/policies/terms-of-use/]

53. Paris Convention for the Protection of Industrial Property. — WIPO, 1979. [https://www.wipo.int/treaties/en/ip/paris/]

54. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. — Harvard University Press, 2015. [https://www.hup.harvard.edu/books/9780674970847]

55. Qazpatent. Национальный институт интеллектуальной собственности Республики Казахстан. — 2024.

56. Singapore Smart Nation Initiative. — Singapore Government, 2024. [https://www.smartnation.gov.sg/]

57. Stability AI Terms and Conditions. — 2024. [https://stability.ai/terms-of-service]

58. Tencent v. Yinxun Company. Верховный народный суд КНР, 2023. [https://ipkey.eu/en/china-court-ai-copyright-case/]

59. U.S. Copyright Office. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence. — 2023. [https://www.copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf]

60. UNESCO. Ethics of Artificial Intelligence Recommendation. — Paris, 2021. [https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137]

61. United States Copyright Act, 17 U.S.C. §512 (DMCA Safe Harbor). [https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512]

62. WIPO Lex Database. International Intellectual Property Norms. — Geneva, 2024. [https://www.wipo.int/wipolex/en/]

63. World Bank. GovTech and Digital Government Reports. — Washington, 2023. [https://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/govtech]

64. Амангельды А.А. Цифровизация объектов интеллектуальной собственности в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. — 2023. [https://bulletin-law.kaznu.kz/]

65. Белов В.В., Виталиев Г.В., Денисов Г.М. Интеллектуальная собственность: законодательство и практика применения. — М.: Юристъ, 2002. [https://search.rsl.ru/]

66. Европейская комиссия. Digital Services Act. — Брюссель, 2022. [https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package]

67. Каудыров Т. Гражданско-правовая охрана объектов собственности в Республике Казахстан. — Алматы, 2021. [https://kazneb.kz/ru/]

68. Смагулов А.К. Правовые проблемы определения оригинальности произведений, созданных искусственным интеллектом // Вестник права. — 2024. [https://elibrary.ru/]

69. Судебная система Республики Казахстан: обзоры судебной практики. — Астана, 2024. [https://sud.gov.kz/rus/content/obzory-sudebnoy-praktiki]

70. Цифровой Казахстан: Государственная программа цифрового развития Республики Казахстан. — Астана, 2017. [https://www.akorda.kz/ru/official_documents/decrees/o-gosudarstvennoi-programme-cifrovoi-kazahstan-za-no-827-ot-12-dekabrya-2017-goda]